

The book cover features a complex illustration. At the top, a landscape with jagged, rocky mountains under a sunset sky. Below this, a red banner contains the author's name. The main part of the cover shows a man in a dark, hooded coat riding a white horse. To the left of the horse is a large, glowing green circle containing a faint, ghostly image of a man on horseback. In the background, there are faint, blue-tinted images of classical buildings. The bottom of the cover has a red banner with the series name and a green banner with the publisher's name.

**ВЛАДИМИР
СВЕРЖИН**

**ЧЕГО СТОИТ
ПАРИЖ?**

ЗВЕЗДНЫЙ

ЛАБИРИНТ

Владимир Свержин

Чего стоит Париж?

Серия «Институт экспериментальной истории», книга 7

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126369
Чего стоит Париж?: АСТ, Люкс; Москва; 2004
ISBN 5-17-025947-6, 5-9660-0540-0

Аннотация

Перед вами – очередное дело «лихой парочки» из Института Экспериментальной Истории – отчаянного Вальдара Камдила и его закадычного друга по прозвищу Лис. Дело о Варфоломеевской ночи, в которую почему-то все пошло наперекосяк!

Париж – в руках католиков, но Лувр – захвачен гугенотами!..

Герцог Гиз – притом небезосновательно! – вот-вот узурпирует корону Франции!..

Загримированный под Генриха Наваррского Камдил должен спасти из плена настоящего Генриха, но... будущий великий король бесследно исчез!

И это – только начало.

Настоящие трудности – еще впереди!..

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	34
Глава 3	53
Глава 4	73
Глава 5	91
Глава 6	112
Глава 7	133
Глава 8	153
Глава 9	174
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Владимир Свержин

Чего стоит Париж?

Любой государь, а особенно только что пришедший к власти, не может подчиняться правилам и условностям, из-за которых люди слывут добрыми, ведь, чтобы сохранить свое государство, он все время должен идти против своего слова, против человечности, против религии. Макиавели. Государь, глава XVIII

Пролог

Даже если у вас в самом деле паранойя – это еще не означает, что за вами не следят.
Нат Пинкертон

Первая страдающая бессонницей птаха прочистила горло, собираясь огласить ночной воздух радостной трелью, а у зарешеченного лаза, надежно укрытого кустами черемухи, все еще никого не было видно. Я старался не волноваться, отгоняя лезущие в голову опасения, мыслями о том, что, того и гляди, выпадет роса, а стало быть, снова придется отдавать кирасу и шлем оруженосцу, чтобы он вычистил их до блеска. Чуть забудешься – и ржавые пятна на броне обеспечены. «Господи, ну что же Лис так тянет?! Ведь все рассчитано

буквально по минутам! Дотянем до рассвета – и, почитай, целый день придется прятаться по окрестным буеракам и чащобам. А англичане, между прочим, хватятся обязательно. Уж мне ли не знать! А облавы мои соотечественники устраивать умеют – с самого детства практикуются...» При невольном упоминании прозвища своего напарника я непроизвольно вздрогнул и, не в силах больше ждать вестей от него, активизировал связь.

– Джокер-1 вызывает Джокера-2. Лис, у тебя все в порядке?

– Ой, капитан, та шо тут подеется! Стража дрыхнет, как нарисованная. Надеюсь, я с опшумом не переборщил. Давно бы уже был на месте, ежели б тетка не корячилась.

– Ты это о ком? – настороженно поинтересовался я.

– Как это о ком? – возмутился мой напарник. – О Деве Жанне, конечно. Или нас в этой нормандской глуши еще какие-то тетки интересуют?

У меня похолодело внутри.

– Что с ней?

– Да не бери дурного в голову. Шо с ней станется?! Ну, то есть, конечно, днями обещались сжечь. А так – жива-здорова, вполне симпатично выглядит.

– Ты толком говорить можешь? – возмутился я. – Сейчас уже светать начнет.

– Ну, прости, с рассветом даже я ничего поделатъ не могу. Посадили бы ее где-нибудь в Магаданском крае – там по-

жалуйста! Уж ночь так ночь!

– Лис!!!

– Блин, шо Лис! Наша героиня французского сопротивления ведет себя примерно так же неадекватно, как ты при первой встрече с Пугачевым. Голубая кровь на черепную крышку давит. Ну, то ли дело нас в школе учили – бедная пастушка из Домреми, замуганная попами и не осознающая руководящей роли пролетариата в достижении царствия небесного. Надо ж ей было оказаться дочерью Изабо Баварской и этого, как его...

– Луи Орлеанского, – вставил я.

– Во-во, короче, единоутробной сестрой нашего молодого, ты сам знаешь кого. Теперь мадмуазель утверждает, что дала слово чести и никуда бежать не будет. Пришлось ей тоже чуток нашего волшебного напитка в глотку влить. А посему меня постигла незавидная участь – изобразить из себя боевого коня высокородной воительницы. Не пройдет и пяти минут, как зацокотят мои копыта и ты увидишь это душераздирающее зрелище, буквально леденящее кровь. Отбой связи.

«Ну, слава богу», – прошептал я, покидая свое благоухающее убежище и направляясь к вмурованному в каменную толщу железному переплету. Впрочем, вмурованным он казался лишь до того момента, пока кто-либо любопытствующий не попытался бы дернуть его. Даже не изо всех сил, а так – для приличия. Приклеенная хлебным мякишем решетка

толщиной в три пальца вылетела бы без малейшего труда.

Пунктуальности Лиса мог бы позавидовать истый англичанин. Я едва успел досчитать до трехсот, как из темноты по ту сторону потаенного лаза послышался чуть слышный свист.

– Эй, Капитан, ты на месте?

– Все в порядке. – Я ухватился руками за ржавые железные прутья и потянул их на себя, освобождая выход.

– Тетку принимай, – проговорил из темноты Лис, поднимая над собой мирно посапывающую Орлеанскую Девственницу.

Я опустился на колени, подставляя ладони под драгоценную ношу. Небольшого росточка, не более пяти футов трех дюймов, хрупкого телосложения, она оказалась еще легче, чем можно было предположить. Разместив даму с максимально возможным комфортом на траве под цветущим кустом, я протянул руку Лису, помогая выбраться из подземелья. Наконец его долговязая фигура ясно обозначилась в предрассветном сумраке.

– Ну что, кажись, дело сделано. Грузимся и уперед за орденами. Стоп! – Он насторожился, предупреждающе поднимая вверх указательный палец. – Ты слышал, вроде ветка хрустнула?

– Не слышал, – покачал головой я. – Может, показалось?

– погоди. – Лис припал к земле, вслушиваясь в рассветные шорохи. – Не-а, не показалось. Сюда кто-то идет. Челю-

век шесть. Какие будут предложения по организации встречи?

– Да уж придется угостить, – я потянул меч из ножен, – чем Бог послал.

– Слушай, а может, я изображу, что у нас тут большой амур, тужур, абажур. Франция все-таки! Глядишь, и не сунутся. А сунутся – тут ты им, как муж из командировки, в тыл зайдешь.

Шаги доносились уже совсем неподалеку – негромкие, приглушенные, но вполне явственные.

– Э-э-э!!! – возмущенно закричал Лис, одной рукой подхватывая с земли спасенную пленницу, а другой приводя свою одежду в должный беспорядок. – Какого козла сюда несет? Ни шагу дальше, я здесь с дамой! Клянусь утробой Вельзевула, только сунься – и твои жалкие потроха черти будут жарить на разных сковородках!

Я с восхищением слушал ругань напарника. Ни единой фальшивой ноты! Ни дать ни взять – возмущенный любовник, застигнутый на горячем, вернее, на горячий.

– Никаких чертей, никакого Вельзевула, – донеслось из темноты. – Оружие в ножны.

Я досадливо сплюнул и с чувством загнал меч обратно. Перед нами был не заплутавший патруль бургундцев или англичан, ни с того ни с сего решивший выйти на утреннюю пробежку, перед нами был весьма знатный джентльмен, прямой потомок нынешнего британского правителя завоеван-

ных во Франции земель, представитель Ее Величества в Институте Экспериментальной Истории Джозеф Рассел, XXIII герцог Бедфордский. Неизвестно, что мог предвещать такой его визит. Но как появление Летучего Голландца сулит мореходам скорую бурю, так и неурочная встреча с Его светлостью могла значить только одно: он уже знает, в какую дыру предстоит сунуть головы двум бравым оперативникам, то есть нам. И, как водится, – самым срочным образом, понятное дело, без предусмотренного правилами отдыха.

– Привет, Лис. Привет, Вальдар.

Мощная фигура моего друга детства протиснулась сквозь заросли.

– Нарисовался – хрен сотрешь, – пробормотал Лис, все еще сжимая в объятиях спасительницу французской короны.

– Так, Жанну д'Арк вы освободили. Молодцы, молодцы. Что-то она у вас какая-то вялая?

– Мон колонель, – отрапортовал Лис. – Она не вялая, она спящая. Мадемуазель в отключке. Так сказать, в мире грез.

– М-да. – Рассел внимательно посмотрел на девушку. – Это зря. Ну да ладно. – Он сделал знак, и из темноты показались еще пятеро плечистых, хорошо одоспешенных крепышей. Четверых я видел прежде в отделе ликвидации. Пятого, со связанными руками и заткнутым ртом, они вели, взяв «в коробочку». Встречаться с ним прежде мне не приходилось, но, судя по гербовой котте, он принадлежал к благородному роду дез Армуаз.

– Вот, – чувствуя мое удивление, произнес Рассел, кивая на пленника. – Героя поймали. Пробирался сюда за девицей Жанной. Дрался как лев! Полагаю, он нам пригодится.

– Нам? – Я удивленно приподнял правую бровь.

– Не надо ловить меня на слове, – отмахнулся Бедфорд. – Вы передадите ему Жанну дю Лис, именуемую также Жанной д'Арк, а он благополучно доставит ее к королевскому двору. Ведь доставите? – Герцог положил руку на плечо связанного рыцаря. Тот едва кивнул. – Ты не сомневайся, этот шевалье – боец изрядный. Мои пока его взяли – семь потов сошло. Развяжите его! – скомандовал он. – Уже можно.

– А мы? – поинтересовался я.

– Вам будет не до того, – уклончиво парировал Джозеф. – Да, кстати, сэр, то есть мсье рыцарь. Вы по дороге придумайте какую-нибудь связную историю, как вам удалось освободить ее высочество. И пожалуйста, никаких упоминаний об этих господах. Вы о них не слышали и никогда в жизни не видели. А нас и подавно. – Он указал в нашу сторону. – Я вас очень прошу. Вы меня понимаете?

Когда Бедфорд говорил таким тоном, лучше всего было его понимать. Рыцарь согласно кивнул.

– Все, господа, – уходим! – скомандовал представитель Ее Величества.

– Скоро совсем рассветет, Жанну хватятся... – начал было я.

– Придумаем что-нибудь, – поморщился Бедфорд. – А вы,

мсье, тоже не задерживайтесь. Быстрее, джентльмены, – у нас своих дел невпроворот.

Спасательный катер стоял под парами. Вернее, в густом пару, поскольку на этот раз прикрытием ему служило рукотворное облако, скрывавшее машину от посторонних глаз.

– Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана, – хмыкнул Лис, глядя на примостившееся на уступе скалы институтское средство экстренного передвижения. – Шарман, ядрен корень! Куда на этот раз?

– Да тут неподалеку. Ты заходи, не задерживайся, – ласково напутствовал его Рассел, подталкивая к едва видневшемуся сквозь белую пелену люку, как подталкивает пылкий любовник к брачному ложу свою робкую избранницу.

– Знаем мы ваше «неподалеку», – буркнул мой напарник.

– Так в чем все-таки дело? – вмешался я.

– Дело, как обычно, в шляпе – Рассел захлопнул люк, знаком давая команду «взлет». – Что было в Париже ночью 23 августа 1572 года, помнишь?

– Ты имеешь в виду Варфоломеевскую ночь?

– Нет! Переселение колонии блох из квартала Соломенных Тюфяков в Бастилию! Конечно ее, – недобро хмыкнул мой старый друг. – Так вот, у сопределов поблизости сейчас творится что-то уж и вовсе из ряда вон выходящее.

– Гугеноты режут католиков? – вмешался Лис. – Парижане уверовали в Перуна? Марсиане высадились на Гревской площади?

– Не совсем так, но... В общем, гугеноты захватили Лувр вместе со всем королевским семейством. Гиз во главе парижан собирается его штурмовать.

– И на чьей мы стороне в этот раз? – спросил я, прикидывая, отчего вдруг нас перебрасывают с одной операции на другую, да еще в такой спешке.

– Да все как обычно. – Пожал плечами Рассел, доставая из шкафчика стаканы и бутылку водки «Смирнофф». – Вам надо будет проникнуть в Лувр и вытащить оттуда Генриха Наваррского – всего-то делов!

– А почему мы? Мы же в работе! Других оперативников в Институте не нашлось?

– Не брюзжи! Обратно вас все равно никто не повезет. Дело в том, что руководство считает, будто вы, сэр, – Джозеф кивнул мне, – похожи на Генриха Бурбона.

– Я? На кого? Да они там что...

– Вальдар, перестань сотрясать воздух, катер завалишь. А эти вопросы не ко мне.

В крохотную кают-компанию катера втиснулся извечный пилот Рассела Майкл.

– Замок Буврей под нами, милорд. Вы просили доложить.

– Спасибо. Уже достаточно рассвело?

– Да, милорд.

– Прекрасно. Поменяй окраску пара, изобрази мне грозовую тучу. На красители не скупись. Пусть это будет что-нибудь устрашающее, роковое...

– Слушаюсь, милорд.

– Заходи на боевой разворот. Вальдар, укажи, пожалуйста, Майклу на планшете, в какой башне сидела Жанна.

Я молча кивнул и отправился в рубку.

– Майкл, сровняй эту башню с землей. Только так – с грохотом, с молнией, чтоб надолго запомнилось! – Он вновь повернулся ко мне, теряя интерес к возможным результатам своих распоряжений. – Полагаю, что это будет достаточным знамением свыше, чтобы отбить охоту у бургундцев снаряжать погоню за беглянкой. А свои вопросы, друг мой, отложи для института.

Глава 1

*Стояла тихая Варфоломеевская ночь.
Дневник парижского буржуа*

Если бы в результате попытки освободить сводную сестрицу французского короля нас с Лисом все-таки взял английский патруль и радостные сторонники британской ветви французского королевского дома Капетингов приволокли коварных похитителей на суд и расправу, не думаю, что состояния наше было бы лучше, чем в первый час после возвращения в родные институтские стены. Улучив момент для исполнения начальственного долга, глава Лаборатории Рыцарства Готлиб фон Гогенцоллерн, вперив в нас взгляд своих бесцветных, словно одолженных у выцветшего портрета глаз, с методичностью пыточных дел мастера, вбивающего деревянный клин меж пальцами жертвы, начал вычитывать нас за провинности только что законченной операции и авансом за то, что нам предстояло еще совершить. Вызванные на богатый хорасанский ковер, радующий глаз своим пестрым рисунком, а босые ноги мягким высоким ворсом, мы стояли, не сводя глаз с высокого начальства, пытаюсь по возможности смотреть в себя. Как говаривал великий мастер Ю Сен Чу: «Смотри в себя, если хочешь увидеть мир».

Насколько мне было известно, сам Отпрыск никогда не

был оперативником и все его воззрения на методы нашей работы носили характер сугубо теоретический. При этом, со свойственной ему прусской педантичностью, он требовал буквального выполнения всех тех норм и установок, которые писались для работы в сопредельных мирах такими же кабинетными светилами. Спорить было бесполезно. Они были почтенными научными корифеями, а мы – разбойниками с большой дороги, головорезами и кондотьерами, без которых хорошо бы обойтись, но увы – невозможно. Слава богу!

Правда, был грешок и у нашего «Светильника Разума». Лишенный возможности жить среди предметов старины во времена их первозданной свежести, он страстно любил их, украшая раритетами свой кабинет, коттедж в закрытом институтском городке и уж, вероятно, свое родовое гнездо. Впрочем, там мне бывать не доводилось. Поэтому, стоило перед возвращением прихватить пару-тройку изящных безделушек из тех, которые так любят посетители аукционов Сотбис и Кристи, – и грозовые тучи над головами оперативников рассеивались. Взгляд начальства переключался на предметы куда более достойные внимания, чем наши скромные персоны. Насколько я помнил, вон тот бронзовый чернильный прибор в виде Святого Георгия, поражающего Змея, работы мастера Бенвенуто Челлини, преподнес ему мой старый приятель Брасид, возвращаясь из эпохи короля Франциска I. Любуясь филигранной работой мастера, Отпрыск не заметил кое-какие мелкие огрехи нашего коллеги

вроде лечения неких царственных особ от болезней, насылаемых шальной древнеримской богиней, при помощи чудодейственных средств, в наше время именуемых антибиотиками.

Да что там, и ковер, на котором мы сейчас стояли, подобно парной статуе «Возвращение блудных сыновей», и стол XVII века, и портрет шефа работы Эль Греко (великий художник рисовал его с фотографии, переснятой на цветном ксероксе. То-то маэстро удивлялся необычайной технике рисунка!) – все это было боевыми трофеями нашего брата оперативника. А вон ту каминную решетку Лис лично утащил из Тюильри перед прошлым возвращением. Мы бы и в этот раз не преминули порадовать начальство какой-нибудь диковиной, не вспылал высокое руководство неизъяснимо страстным желанием видеть нас сей же час. А так – злоупотребление насильем, мошенничество, порочащее высокое звание... необоснованные действия, влекущие за собой... не говоря уже о... и об...

Спасение пришло свыше. В дверях появился Рассел, окруженный толпой разработчиков, сотрудников Отдела Материального Обеспечения, кудесников-гримеров, способных сделать героя-любовника из любого квазимодо, и наоборот.

– Вот они! – плотоядно глядя на нас, промолвил XXIII герцог Бедфордский. – Думали отсидеться! Сделайте-ка мне из этого молодца Генриха Наваррского! – Он кивнул в мою

сторону мордоделам, как именовал их Лис, с той повелительной ноткой в голосе, с какой непобедимый полководец перед началом сражения приказывает своим военачальникам, указуя на стяги противника: «Принесите мне эти знамена – я хочу разглядеть их получше!»

Жертва выскользнула из цепких рук Отпрыска, но лишь затем, чтобы попасть к терзателям не более гуманным, чем наш непосредственный начальник.

В течение нескольких следующих часов я был прикован к глубокому креслу, полузадушен темной пластиковой накидкой, выжавшей из меня за время обработки галлоны нетрудового пота, покрыт черт знает чем, обмерян с ног до головы – и вообще, чувствовал себя полудохлой клячей, старательно подготавливаемой цыганским табором к продаже на ближайшей ярмарке.

– Он же моложе меня на двенадцать лет, – вяло пытался сопротивляться я, сознавая в душе, что все попытки увильнуть от столь неожиданной командировки обречены на провал.

– Ничего, – утешали меня вдохновенные демиурги, выпуская струйку из хищного вида шприца. – Сейчас мы введем вам под кожу одно средство – и оно в миг разгладит вам все морщины. Будете выглядеть восемнадцатилетним юнцом! Все девицы ваши!

– У него нос крючком! – слабо отбивался я.

– И у вас сейчас будет! – обнадеживающе донеслось в от-

вет.

– Не хочу!

– Волосы осветлить, – командовал кто-то за моей спиной. – Колер рыжевато-русый. Тон кожи темнее. Это у вас получилась не Гасконь, а Турень или Анжу. Что с ногтями? Отставить! Никаких ухоженных ногтей. До возвращения в Нерак с Маргаритой ничего подобного у него и в помине не было. Ногти должны быть обкусаны. Кстати, запомните: время от времени вам надлежит обкусывать ногти. Это будет означать, что вы нервничаете...

– *А еще,* – раздался в моей голове насмешливый голос Лиса, наблюдавшего со стороны за моими мучениями, – *сказывают, что король Генрих частенько страдал расстройством желудка. Так что уж будь добр соответствовать!*

По инструкции, возвращаясь в Институт, мы должны были сдавать средства закрытой связи, но какие уж тут инструкции! Из огня да в полымя!

Я попытался было кинуть на насмешника возмущенный взгляд, однако голова моя была тут же схвачена и немилосердно возвращена в исходное положение. «Не дергайтесь! Вы все испортите!» – Кудесник ухватил меня за переносицу и, пощупав ее, удовлетворенно крикнул: «Очень хорошо!»

Через секунду я был повязан салфеткой по самые глаза, отчего стал похож на грабителя банков времен Дикого Запада, сошедшего со страниц дешевых комиксов. Спустя полчаса я уже мог любоваться каплеобразным клювом, величе-

ственно нависавшим над верхней губой.

«Не волнуйтесь, – обнадежил меня эскулап, явно гордящийся делом своих рук, – можете мыться, сморкаться, чесаться. С носом все будет в порядке. Никто не сможет отличить, где кончается ваш собственный и начинается тот, который мы вам нарастили. Единственное что – постарайтесь, чтобы в ближайшие пару суток вас по нему не били».

– Да уж сделаю все от меня зависящее, – хмыкнул я, все еще не в силах членораздельно отвечать на речи вдохновенного творца.

Спустя некоторое время со мной было полностью покончено. Родная мать не узнала бы меня ни при свете дня, ни под прожектором, ни под увеличительным стеклом.

– М-да... – критически осмотрев получившееся, резюмировал старина Зеф, пришедший полюбоваться на останки друга детства. – Похо-ож. Определенно похож!

– Высоковат больно, – заметил один из сопровождающих Рассела разработчиков. – Бурбон, тот пониже будет.

– Предлагаешь урезать? – с самым серьезным видом повернулся к нему мой побратим. – Где будем снимать – сверху, или снизу?

– А-а-а, помнится, кто-то писал, что Генрих Наваррский, стесняясь своего роста, носил в башмаках потайные каблукки, – поспешил вмешаться я, памятуя о том, что отнюдь не все присутствующие в кабинете – британцы, и потому могут неадекватно воспринять тонкий английский юмор предста-

вителя Ее Величества. — А я носить каблуки не буду. Если уж на то пошло — могу и совсем без туфель.

— Ладно, — махнул рукой лорд Джозеф. — Кто там его в суматохе измерять будет. В конце концов, на одну ночь посылаем. Не забудьте поменять ему модулятор голоса. А то ведь если Генрих вдруг заговорит тоном Уолтера, народ примет его за колдуна и решит немножко поджарить. Зачем нам жареный Камдил? А так хорошо.

Его слова поставили точку на моих мучениях, знаменуя начало следующего этапа — одевания и снаряжения. Затем «торжественный молебен» в храме высокой науки у разработчиков и... прямая дорога в Сектор Переброски, в камеру перехода. Путь на Голгофу, с которой, однако, всегда есть шанс вернуться.

Понятия не имею, отчего камера перехода не может перебрасывать оперативников в наиболее удобные для выполнения заданий дни и часы. Да что там часы! Порою по полгода приходится торчать «в гостях» у очередных сопределов, вживаясь в роль и обрастая связями и обязательствами ради операции, занимающей от силы день. Я как-то пытался расспросить об этом у наших спецов, но в ответ получил такое, что невольно почувствовал себя ребенком, осведомившимся у профессора астрономии, отчего светят звезды. Правда, на этот раз, слава богу, разработчики обещали нам «прямое попадание» в тот самый день, вернее, в ту ночь. Именно по-

этому, отправляться нужно было именно сегодня, и не позже 21.00 по Гринвичу.

Почему? Это ясно всякому, умеющему исчислить темпоральный сдвиг Ламберта. Лично я этого делать не умею, вот и приходится верить на слово. Радовало одно: по ту сторону перехода нас ожидал великолепный Мишель Дюнуар, барон де Катенвиль, сотрудник Отдела Мягких Влияний, мой вечный соперник в институтских состязаниях на звание первого клинка конторы и ближайший друг во все времена – как наши, так и прошлые. Мишель Дюнуар, по прозвищу «Два мэтра», виртуозный фехтовальщик и непревзойденный кулинар, любимец женщин и гроза мужчин, весьма примечательный образчик галантного кавалера и хладнокровного придворного интригана, именуемый там паном Михалом Чарновским, являлся негласным представителем Речи Посполитой при французском троне. Ну и, понятное дело, резидентом Института, также исполнявшим свои обязанности без должной дипломатической аккредитации.

Черт его знает, кто первым начал прокладывать подземные тоннели под нынешней столицей Франции. Быть может, это повелось еще с тех пор, когда местечко на берегу полноводной Сены именовалось Лютеция Паризиев. И свободолюбивые галлы скрывались в тайных норах от римских легионов. Одно можно было сказать точно: к тому дню, когда институтские умельцы смонтировали камеру перехода в тупике одного из многочисленных лабиринтов, подземелья под

городом напоминали ходы короеда в поваленном бурей дереве.

— Черт бы побрал этот метрополитен! — недовольно выругался Лис, когда створка шлюзовой камеры с тихим шипением заняла свое исходное место, точно по мановению волшебной палочки превращая проход между мирами в непроницаемую гранитную стену. — Ну и где обещанный пан Михал?

Я пожал плечами. В крошечном мраке вряд ли мое движение было замечено, но разговаривать особо не хотелось. Все было ясно и без слов. Пунктуальность никогда не входила в длинный список достоинств нашего доброго друга Дюнуара, тем более что здесь он мог сослаться на допотопное состояние часовой промышленности, отсутствие транспорта, толпы на улицах, а то и просто на свое здешнее польское происхождение, несовместимое с пунктуальностью.

Как бы то ни было, минут сорок чертыхаясь и поминая недобрым словом начальство, устроившее суету и тарарам с нашей отправкой, Мишеля с его хронической страстью к опозданиям, а пуще всех — гугенотов, ни с того ни с сего решивших внести разнообразие в извечный сценарий ночной бойни, мы слонялись по темному коридору, не рискуя отойти от входа в камеру дальше десятка-другого ярдов.

Наконец наша стойкость была вознаграждена. Вдалеке появился колеблющийся свет приближающейся светильни, и громкий голос институтского резидента сурово произнес:

– Есть тут кто? Отзовись!

– Есть, есть! – опередил меня Лис. – Уже битый час как есть!

– Да? – В тоне пана Михала Чарновского слышалось неподдельное удивление. – А чего это вы так рано прибыли?

Он подошел поближе – и в отблесках свечей, горевших в несомом им фонаре, ясно обозначилась его двухметровая фигура, облаченная в черный, подложенный золотой парчой кунтуш, перехваченный в талии алым кушаком, и неизменная карabela¹ на боку. Ни дать ни взять – вельможный пан, завзятый шляхтич Посполитного Рушения.²

– День добже, пан Вальдар, день добже, пан Сергей! Пшепроше панове до Парижу! – Он учтиво поклонился и, отбросив малоуместную на такой глубине церемонность, продолжил: – Рад, что прислали именно вас! Здесь такое творится... Пся крев!

– Будь добр, толком объясни, – попросил я. – А то в Институте мне поведали о чем угодно, только не о сути происходящего.

– Идем! – властно скомандовал Дюнуар. – По пути расскажу. У нас мало времени.

Лис скептически хмыкнул, но промолчал. Уж и не знаю – чего это ему стоило. Темный, вырубленный в каменной толще над самой преисподней ход далеко разносил произноси-

¹ Карabela – польская сабля, обычное оружие шляхты.

² Посполитное Рушение – дворянское ополчение Польши.

мые слова, заставляя эхо многократно отталкиваться от грубо отесанных стен и бежать далеко впереди нас. Мсье Дюнуар инстинктивно понизил голос до полусшепота и, придерживая на ходу бряцающую саблю, начал свое повествование:

– Вначале все шло как обычно. Колокол Сен-Жермен Л’Оксеруа, белые кресты на шляпах. Ура-ура, смерть гугенотам и все в этом же роде. Герцог Гиз захватил особняк на улице Бетизи и уколошил адмирала Колиньи, царствие ему небесное. Но, Матка Боска, как у вас в России, дружище Лис, декабристы разбудили господина Герцена, и с тех пор там никто не может спать спокойно, так и здесь – беспорядочная пальба при штурме владения старого адмирала разбудила лейтенанта эскадрона Гасконских Пистольеров шевалье Манозля де Батца де Кастельмора.

– Странно, – негромко произнес я. – Колокола и крики до этого не разбудили, а...

– Не придирайся к словам, – перебил меня Мишель. – Ты его еще не знаешь. Как всякий уважающий себя гасконский дворянин, Мано обращает больше внимания на укусы блох в походном тюфяке, чем на крики черни. Колокола уж и вовсе его не занимают. То ли дело стрельба и звон шпаг! Тут он просыпается, даже будучи еще более мертвецки пьяным, чем вчера вечером.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовался я.

– Что? – недоуменно оглянулся вышагивающий впереди пан Михал.

– Что он был пьян?

– Как это откуда?! Да я же его и поил! Думаешь, я не подозревал, что такая кака с маком может выйти? Позавчера, по приказу Екатерины Медичи, маршал Монморанси вывел из Парижа почти все войска. Насколько мне известно, в столице остались королевские гвардейцы, полк герцога Анжуйского, полк Гиза и, заметь, Гасконские Пистольеры, ибо они повинуются только своему капитану, принцу Анри де Бурбону, королю Наваррскому. Черная Вдова, должно быть, и их пыталась выпроводить, но своего дорогого зятя, в связи с медовым месяцем, она решила не беспокоить, а Мано отказался бы выполнять даже приказ Всевышнего, если тот оглашен кем-нибудь, кроме собственного капитана.

– Достойный человек! – с уважением в голосе проговорил Лис.

– В высшей мере, – не останавливаясь, кивнул ему Дюнуар. – Вам скоро предстоит самим в этом убедиться. Ладно, не перебивайте, я продолжаю. Гасконцы были расквартированы в предместье Сен-Жермен около аббатства Сен-Сюльпис. Между рынком и монастырем кающихся грешниц.

– Весьма ценное соседство! – не замедлил вставить Лис.

Но Мишель продолжал, не удостоив его ответом:

– В общем, Мано велел своему корнету, некоему Этьену де Труавилю, трубить тревоги, и спустя считанные минуты четыре сотни бравых вояк, выросших в непрерывных сражениях с Испанией и Францией, строились на рынке церкви

Сен-Сюльпис, ожидая дальнейших распоряжений.

– И как распоряжения? – спросил я.

– Не замедлили последовать. Едва гасконцы выстроились в походную колонну, как откуда ни возьмись на них, на свою беду, наткнулась бредущая от Гревских пристаней толпа мародеров-католиков. Уж и не знаю, что они там себе надумали, но идея напасть на этакое благородное собрание отъявленных головорезов для многих из них оказалась последней. Мано велел дать залп, после чего ударил в клинки.

– Он гугенот? – поинтересовался я.

– Мано? Можешь мне поверить, он не забивает себе голову подобными глупостями. Он с одинаковым безразличием отдал бы такой приказ, будь нападавшие на него каналы поклонниками Магомета или же адептами культа вуду.

Распаленные схваткой, они поняли, что банкет только начался, и форсированным маршем отправились по улице Фоссе-Сен-Жартье к особняку адмирала. Вернее, шли они в Лувр, где находился их обожаемый капитан. Но дом Колиньи был по дороге. Самого воинственного старца они уже в живых не застали, но там к ним примкнуло десятка три дворян-гугенотов, забаррикадировавшихся в одном из подвалов адмиральского дворца.

– А что же Гиз? – В голове моей промелькнула знакомая из школьного учебника истории гравюра «Герцог Гиз убивает адмирала Колиньи». Пожары, возбужденная толпа парижских буржуа и молодой негодяй со шпагой в руках, на-

ступивший на лицо распластанного на мостовой старика.

– Да что с ним станется! Он, конечно, подлец, пся крев, но, в отличие от местной черни, при виде крови в состоянии клинического идиотизма не впадает. Едва заслышав цокот сотен копыт и клич «Вперед, Наварра!», он со своими людьми растворился в темноте кривых парижских улочек, как ложка соли в бочке воды. В общем, к Лувру пришло уже человек пятьсот – и все настроенные более чем воинственно.

– Ну а там Швейцарская гвардия, Шотландская гвардия? – попытался было задать вопрос я.

– Тебе самому-то не смешно такое спрашивать? – укоризненно посмотрел на меня пан Михал. – Если ты вдруг забыл, напоминаю. Шотландия – один из центров распространения кальвинистской ереси, а уж Швейцария и подавно. Там каждый второй – протестант, а каждый первый – личный приятель доктора Лютера. Пока не было за кем идти, они стояли на страже Лувра, сцепив зубы. Но раз уж началось такое!.. В общем, сейчас во дворце, вернее, в замке от восьмисот до тысячи человек, готовых сражаться до последней капли крови, и, заметь, умеющие это делать лучше кого бы то ни было в Париже. Прибавь к этому огромные запасы боеприпасов луврского арсенала и изрядное количество провизии, хранящиеся в королевской резиденции.

– Да, ситуация патовая, – задумчиво протянул я. – Это называется «держат волка за уши».

– За хвост, – хмыкнул Дюнуар. – Неужели же ты думаешь,

что присутствие в Лувре короля и всей его милой семейки может остановить Меченого?³ Он собирает вокруг дворца толпы городского сброда, надеющегося поживиться при разграблении королевских апартаментов, и кричит во все горло, что является прямым потомком Карла Великого, а стало быть, имеет право на французский престол больше, чем все Капетинги вместе взятые.

Нелепая сказка для наивных дураков, правда, обошедшаяся Лотарингскому дому в весьма кругленькую сумму. Однако, поскольку наивные дураки составляют большую часть населения Парижа, «товар», естественно, нашел своего потребителя. В общем, так. – Он остановился, вытянул руку с фонарем вперед, освещая еле заметные в темноте сырые каменные ступени. – Вам сейчас наверх. Будьте осторожны – лестница крутая и скользкая. Когда подниметесь, увидите в стене кольцо. Повернете его, и откроется ход в небольшую каморку, заваленную старой рухлядью. Это чулан при Малой Гардеробной – там сейчас никого не должно быть. В чулане две двери: одна – в гардеробную, другая – в коридор для слуг. Пойдете по нему направо, через полста метров будет такая же дверь – это кордегардия арсенала. Наверняка там будет полно солдат, но тут, Вальдар, я уже надеюсь на тебя. Кордегардия на втором этаже, как и покои мадемуазель де Сов, где, вероятнее всего, сейчас находится твой двойник. Запомни: это третья дверь от центральной лестницы в левом кры-

³ Меченый – прозвище герцога Генриха де Гиза.

ле. Впрочем, Генриха там может и не быть. Ваша задача его отыскать и препроводить сюда. Лис, полагаю, что этим займешься ты. Вальдар, если что, тебя прикроет. Я буду ждать вас здесь, внизу.

– А если Наваррец не пожелает никуда идти? Мол, лучше смерть в бою, чем позорное бегство! Мертвые сраму не имут, а мертвы бджелы не гудуть! Ну и все такое в том же духе. Я вон тут по случаю сегодня с утра Жанну д’Арк спасал, так она ни в какую идти не соглашалась, – вставил мой напарник, перебивая инструкции резидента.

– Скорее всего откажется, – согласно кивнул Дюнуар. – Как раз поэтому я и рекомендовал из Вальдара сделать Генриха. Ваша задача – спасти Генриха Бурбона, невзирая на его мнение по этому поводу. Вальдар же, слава богу, человек разумный, и его уговаривать спастись не придется. Все! С Богом! Я вас жду!

Мы начали подъем по едва различимым в темноте ступеням, тщательно ощупывая дорогу перед собой, чтобы не сверзиться вниз и не сломать себе шею. Уж, во всяком случае, до того как это будет необходимо «по долгу службы».

– Вальдар, – тихо проговорил Лис, следующий чуть позади меня. – Вот ты умный. Объясни мне, будь добр, чем таким этот самый Генрих Наваррский мог полюбиться нашему руководству, что оно начало городить такой огород?

– Генрих, – со вздохом начал я, продолжая восхождение, – Генрих для Франции фигура особенная. Это король во спа-

сение. Он вывел государство из такого штопора в ранний феодализм, что, не будь Бурбона, на месте Франции могло остаться крошечное княжество, вроде его родной Наварры. А кроме того, веротерпимость, развитие мануфактур, сельского хозяйства и многое, многое другое. По сути, при нем Франция, точно феникс, возродилась из огня.

– Красиво излагаешь, – услышал я за спиной вздох Лиса. – Ладно! За-ради такого дела...

Он не договорил. Мы уперлись носом в гладкую стену без всякого намека на дверь и лестничную площадку.

– Где-то тут должно быть кольцо, – пробормотал я, ощупывая дюйм за дюймом плиту перед собой. – Вот, нашел!

Я легонько попробовал повернуть торчащую из камня железяку, и она подалась на удивление легко, точь-в-точь ключ в хорошо смазанном замке. Гранитная поверхность перед нами, словно по мановению волшебной палочки, повернулась вокруг своей оси, открывая проем в стене и пропуская нас в обещанный чулан. Он и вправду был захламлен донельзя: груды старой одежды со споротыми брыжжами, галунами, пуговицами и прочими украшениями, назначенные для раздачи парижскому люду в дни великих церковных праздников и именовавшиеся среди полунищих счастливых «оде-янием с королевского плеча», валялись здесь без всякого намека на порядок, висели на составленных в кучу портняжных болванах, громоздились в высоких плетеных корзинах, служа комфортабельным жилищем для множества мышей и

наполняя воздух запахом пыли и тлена.

— Ну что, величество! — Мой напарник ухватился за нос, стараясь подавить предательский чих. — Пошли двойника твоего искать. — Он толкнул дверь в коридор для слуг, проложенный в недрах стены, чтобы спешащие по дворцовым делам лакеи и прочая челядь не мельтешили перед глазами благородных дам и кавалеров в анфиладе парадных комнат.

— Лишь бы теперь не столкнуться с ним нос к носу где-нибудь в кордегардии, — проговорил я.

— Ничего. — Лис шагнул в едва освещенный коридор. — Не бойсь, щас все устроим. Я пойду первым, и если шо, то ты услышишь.

Наши опасения были напрасными. Караульное помещение вовсе не было так заполнено солдатами, как о том говорил пан Михал. Лишь три швейцарца, оставленные, должно быть, на страже у входа в арсенал, оживленно резались в кости, составив алебарды у стены. Они несколько удивленно смирili взглядами тощую фигуру Лиса, появившуюся из-за двери, но появление «короля Наваррского» заставило их вскочить и вытянуться во фронт.

— Прошу вас, Ваше Величество! — Лис распахнул передо мной очередную дверь, и я прошествовал мимо замершей стражи, едва достаивая ее милостивым кивком.

— Ну шо, пошли брать автограф у спасителя Отечества? Как там Дюнуар говорил: левое крыло, третья дверь от центральной лестницы. Стучать три раза и кому положено. В

письменной форме.

– Не волнуйся, найдем, – обнадежил я своего друга.

Это была почти что ложь. Не окажись сейчас нашего подопечного на месте – и искать его в катакомбах Лувра, во всех его многочисленных покоях, залах, галереях, переходах, а уж тем паче служебных помещениях можно было целую вечность. Только по фасаду здание растянулось без малого на четверть лье.⁴

Я шел по коридору, машинально разглядывая золоченые узоры на многочисленных дверях, стараясь на ходу составить в голове что-то, хоть отдаленно напоминающее план действий, когда...

– Мой капитан!

Голос этот явно не принадлежал Лису, а следовательно... Мозги мои заработали со скоростью калькулятора, просчитывая возможные варианты. Величать короля Наваррского капитаном мог лишь один-единственный человек. Единственный, готовый отдать за это право жизнь, – лейтенант эскадрона Гасконских Пистольеров Мано де Батц. Для всех остальных, даже солдат того же Эскадрона, Генрих оставался королем и государем.

– Слушаю тебя, Мано. – Я повернулся к стройному усачу в кирасе и морионе⁵ с алым пером.

– Мой капитан! – повторил мужественный красавец, судя

⁴ Лье – французская мера длины, около четырех километров.

⁵ Марион – шлем с широкими отогнутыми вверх полями.

по обилию алого и золотого в наряде, никак не могущий быть гугенотом. – Насилу нашел вас! Если дозор не ошибается, гизары вот-вот пойдут на приступ!

Глава 2

Единственная действительно негативная информация о политике – это его некролог.

Золотое правило PR

По случаю намечавшейся «экскурсии» толпы парижской черни в королевский дворец окрестности Лувра были прекрасно иллюминированы сотнями костров, тысячами факелов и великим множеством фонарей, принесенных рачительными горожанами, чтобы в потемках не пропустить чего-либо ценного. Из-за высокого каменного парапета, остатка древней крепостной стены, ныне увенчанного острыми золочеными шпильями, не смолкая, доносился многоголосый гомон толпы, бряцание оружия, стук сколачиваемых лестниц и ржание коней. Против нескольких сотен гасконских, шотландских и швейцарских ветеранов, готовых дорого продать свою жизнь, по ту сторону кованого рубежа, разделявшего нас, находилось, пожалуй, до двадцати тысяч лавочников, школяров, нищих, ремесленников всякого рода. Кто в кирасе, предписанной парижским парламентом ополченцам цеховой стражи, кто в кожаной куртке, простеганной железными пластинами, а кто и вовсе полуголый – все они, вдосталь хлебнувшие нынче ночью соседской крови, жаждали одного: овладеть этим вожаемым чертогом, овладеть грубо и

жестоко, с садистским наслаждением и оттягом, хотя бы уж потому, что дворец был роскошен, сулил богатую добычу и не сдавался.

Тонзуры монахов, время от времени выхватываемые колеблющимся светом факелов из темноты, не столько напоминали о «религиозном подвиге» собравшихся у ограды, сколько наводили на мысль о ритуальности предстоящей жертвы. Прилегающие к Лувру улицы бурлили, изнемогая от желания выплеснуть на дворцовый плац тысячи новых крестоносцев, начисто позабывших о евангельском милосердии и о христианнейшем короле, все еще находившемся в своих покоях.

Особо бойкие мародеры пытались вскарабкаться на ограду и спрыгнуть внутрь двора, а потому мерный гул толпы время от времени прерывался лаем крепостной аркебузы, одной из множества этих легких орудий, установленных в окнах второго этажа. Лувр, точно севший на мель многопушечный корабль в окружении бесчисленной флотилии пиратских лодок, еще огрызался, безжалостно осаживая наиболее ретивых. Однако всем без исключения участвующим в предстоящей трагедии, как с той, так и с этой стороны, было совершенно ясно: часы его сочтены.

Я стоял у высокого окна с выбитым стеклом, ажурный переплет которого был до половины завален обломками столов и комодов, составлявших еще совсем недавно меблировку комнаты. Десятифутовый ствол крепостной аркебузы хищ-

но взирал в сторону напирającej толпы, хладнокровно выискивая очередную жертву. Два человека, со значками Гасконских Пистольеров у правого плеча, споро управлялись с этим весьма увесистым агрегатом, знаменующим переход от ручного огнестрельного оружия к легкой артиллерии.

Сопровождавший меня Мано де Батц, что-то оживленно разъяснявший своему капитану, размахивал в такт речей руками с пылкостью истого южанина. Но мне было не до его слов. Я напряженно всматривался в резную ножку стола, торчавшую прямо перед моими глазами. Весьма тонкое изображение грифона, прекрасный образчик так называемого ювелирного стиля, столь любимого при дворе папеньки нынешнего короля Карла IX. Со стороны могло показаться, что я – воплощенное внимание, но видимость обманчива. Я ждал, когда же моему ловкому напарнику удастся обнаружить в хитросплетении импровизированных укреплений дворца истинного Генриха Бурбона, ради безопасности которого мы здесь и находились.

Минут двадцать тому назад, когда мой отважный лейтенант, радуясь обретению искомого государя, все же перевел взгляд на сопровождавшего его дворянина – в глазах рубачи отразилась мучительная попытка вспомнить, видел ли он прежде этого зеленоглазого верзилу с хитрой ухмылкой на губах и переносицей, напоминающей латинскую букву S. Отметив явное замешательство во взоре бравого гасконца, Лис немедленно перешел в наступление, не давая лейтенан-

ту опомниться и взять инициативу расспросов в свои руки. Лицо его озарилось улыбкой радостной, словно у дитяти на пасхальной открытке, после чего он разразился восхищенными воплями, будто всю жизнь только и мечтал познакомиться со стоящим перед ним пистольером.

– Ба, да это же сам Манозель де Батц де Кастельмор, собственной персоной, будь я проклят! – Мой напарник радостно водрузил свои длинные руки на плечи опешившего гасконца и продолжил бравурно: – Мне о вас столько всего рассказывали! Вы ого-го! Вам палец в рот не клади!

Я удивленно посмотрел на Сергея. Идея засовывать палец в рот заместителя командира именного эскадрона короля Наваррского была в диковинку и мне, и ему. Но могли ли такие мелочи остановить Лиса!

– Господин де Батц, мы с вами обязательно должны выпить за знакомство. Король уже давно обещал познакомить меня с вами. А вот еще адмирал Колиньи на прошлой неделе, вы помните, Ваше Величество, говорил, что такого доблестного размахая, пожалуй, во всей Франции не сыскать.

– Адмирал убит, – с благородной печалью в голосе изрек де Батц, находя наконец краткую паузу в речевом потоке своего напарника.

– Да, я знаю, – в тон ему продолжил Лис. – Но мы отомстим за него! Кровью поплатятся его убийцы за свое подлое преступление! Имя адмирала будет навечно записано крупными церковно-готическими буквами в наших сердцах! Вот

так, слева направо – Гаспар!! – Он поднял вверх сжатый кулак, того и гляди, намереваясь изречь заветное «Но пасаран!» – Но...

Незнакомый ранее с моим другом, мсье Манозль и представить себе не мог, каким бурным бывает словоизвержение из уст моего соратника.

– Но... – снова попытался заговорить лейтенант.

– Ах да, простите меня, сударь. Я не представился. Я Рейнар Серж Л'Арсо д'Орбиньяк. *Капитан, срочно придумай, в какой должности при тебе я состою.*

– Да-да, мсье Рейнар мой личный адъютант.

– Именно. Офицер по особо тяжким, в смысле по особо срочным, то есть нет – по особо важным – поручениям.

Удивление на лице де Батца сменилось полной растерянностью. Процесс явно выходил из-под контроля. Самое время было брать его в свои руки.

– *Лис!* – скомандовал я на канале закрытой связи. – *Прекрати морочить человеку голову и займись делом. Деваться некуда, я пойду с Мано, а ты найди Генриха. Насколько можно судить о его характере, он не будет сейчас отсиживаться в будуаре госпожи де Сов. Вернее всего, следует искать его где-то на позициях. Найди и дай мне знать. А дальше уж что-нибудь придумаем по ходу действия. Шевалье!* – Я повернулся к напарнику, гордо задирая подбородок. – Полагаю, вам ясна возложенная на вас миссия?!

Выслушав сокращенный вариант монолога по закрытой

связи, офицер «по особо тяжким» склонился в церемонном поклоне и заявил с нескрываемым пафосом в голосе:

– Я выполню все, как вы велите, мой государь! Прошу простить меня, господин де Батц, надеюсь, мы встретимся с вами чуть позже. Сами понимаете – служба!

Он расправил плечи и чеканным шагом отправился вдаль по коридору. Весь вид Лиса являл собой преданность и служебное рвение, между тем как в голове моей на канале закрытой связи раздавался его залихватский голос:

Наша служба и опасна, и трудна,
И на первый взгляд как будто не видна.

И вот теперь я стоял, напряженно вглядываясь в ножки перевернутого стола, и ждал сообщений от напарника.

– Ну вот, кажется, началось, – донеслось до моего слуха.

Шевалье де Батц снял с головы шлем и размашисто перекрестился, точно перед прыжком с высоты в воду. «Пли!» Массивная аркебуза судорожно дернулась назад, цепляясь приделанным снизу крюком за тяжеленную столешницу, чтобы не быть отброшенной в комнату мощной отдачей. Гулко грянул выстрел, и вдалеке, на гребне ограды, несколько человек, лихорадочно ловя опору в воздухе беспомощными руками, опрокинулись в толпу, тотчас сомкнувшуюся над, быть может, еще живыми телами и продолжавшую свой звериный натиск. Одна из жертв, застигнутая беспощадной

картечиной в момент прыжка во двор, висела, зацепившись одеждой за острый шпиль, истекая кровью и надсадно горланя что-то неразборчивое.

– Порох сыпь! Заряжай! Пыжуй! – возбужденно командовал де Батц, поглядывая из-за импровизированного бруствера на первых смельчаков, преодолевающих по приставным лестницам оскалившуюся коваными остриями преграду. – Целься!

Один из гасконцев спокойно и без суеты прильнул к прорези в прицельной планке, старательно проводя воображаемую прямую между раструбом жерла аркебузы и очередными клиентами приемной святого Петра.

– Пли! – Двадцать картечин, точно двадцать ядовитых шершней, с воем вырвавшись из длинного ствола, понеслись к своре негодяев, уже перемахнувших через дворцовый забор и пытающихся примером своим воодушевить оставшихся по другую его сторону, приступить к своей людоедской трапезе.

– Bravo, Гастон! Bravo, Жерар! – радостно кинул отважный лейтенант, зорким взглядом оценивая результат выстрела. – Еще четверо!

Не надо быть большим математиком, чтобы сосчитать, сколько выстрелов сможет сделать несколько десятков таких вот аркебуз, установленных в разных частях огромного дворца, за те считанные минуты, которые нужны толпе, чтобы достичь дворцовых ворот и, разбив их, ворваться внутрь. Как

ни считай – кошкины слезы. Опьяненная дерьмовым вином и религиозным фанатизмом толпа попросту не заметит потерь. Лишь завтра нынешние вояки, те из них, которым выпадет участь пережить нынешнюю ночь, начнут мучительно вспоминать: откуда, черт возьми, появилась эта ссадина, этот порез или пулевая дырка, кровоточащая, как свежерезанный поросенок, и, похоже, вовсе не желающая затягиваться.

Счет явно был не в нашу пользу. Толпа, все более и более теряя страх, лезла на железную изгородь, набрасывая на ее острые пики соломенные тюфяки, узлы с награбленным добром, а то и просто деревянные башмаки-сабо. Вновь и вновь в бессильной злобе, из-за таких же окон грозно огрызались аркебузы защитников, вырывая из рядов штурмующих все новых бойцов, но гизары лезли и лезли. Вскоре к рокоту нашей легкой артиллерии примешалась жестокая дробь пистолетных выстрелов, но и это были лишь жалкие потуги. Толпа шла вперед неудержимо, не замечая потерь и сменяя все на своем пути. Опять и опять звучали над моим ухом отрывистые команды на звонком южном диалекте французского, и комната все более наполнялась сладковатым пороховым дымом, от которого першило в горле и слезились глаза.

«Оставаться здесь далее – безумие», – с тоскою думал я, глядя на бушующую толпу под окнами, на своего бесстрашного лейтенанта, пребывающего, по всей видимости, в весьма приподнятом настроении. «Интересно, как там Лис?» – Я активизировал связь.

– Сerezжа, как успехи?

– Потрясающе! Еще немного – и я смогу водить экскурсии по Лувру.

– А если серьезно?

– Капитан! То есть не поймите меня правильно, но так мне кажется, что ты единственный Генрих Наваррский на весь этот гребанный памятник архитектуры.

– Этого не может быть! Ищи! Только поскорее, а то, не ровен час...

– Ну шо ты меня пугаешь! На крайний случай, я первый побегу освобождают законного монарха. Я тебе говорю, Генриха нет нигде. Причем не только его, но и эту самую, как ее, сову, тоже давным-давно никто не видел.

– Лис, куда он мог деться?! Он должен быть во дворце. Ты в апартаментах Маргариты Валуа смотрел?

– У королевы Марго, что ли? Ты думаешь, он может быть у нее? Занятная идея! Ладно, схожу еще там посмотрю. Угу, представляю себе эту картину: отважный король Генрих Наваррский в последнюю минуту жизни покрывает собой главную луврскую амбразуру.

– Ты о чем?

– О ком. О Ее Величестве. Ладно, все – умолкаю. Иду искать. Отбой связи.

– Мой капитан! – услышал я радостный голос де Батца. – Чернь уже у самых ворот. Надеюсь, вы лично поведете нас в бой! Войска построены и ждут приказа. Я взял на себя сме-

лость распорядиться принести ваши доспехи. Прошу, поспешите, мой капитан! Ждут только вас. Все готово к атаке! – Гасконец поклонился, кладя ладонь на рукоятку эстока.⁶

Хочется верить, пороховой дым, висевший в комнате, скрыл недоумение, отразившееся на моем лице. Атака в такой момент была сущим безумием. Но, насколько я мог судить, сотни защитников Лувра были охвачены им, и я, вернее, мой двойник – король Генрих Наваррский, ни за какие сокровища и блага этого мира не должен был обмануть возторженного ожидания этих неистовых сотен.

– Ты прав, Мано, поспешим!

Внутренний двор Лувра был забит почти полностью: конные пистольеры верхом на гнедых, как на подбор, жеребцах, швейцарцы в надраенных кирасах с алебардами в руках, шотландцы в традиционных килтах, в беретах с перьями и неизменными баскетсводами⁷ у пояса – все, как один, готовые идти в бой и погибнуть в считанные минуты. Впрочем, кто же думает о смерти, когда в воздухе пахнет такой славной дракой! Все они были чужаками в этой земле, все были нелюбимы парижанами и задираемы ими не раз. И вот теперь у каждого появлялся шанс свести с ними счеты. Пусть на короткий миг – что ж из того!

Появление короля Наваррского во дворе, на площадке

⁶ Эсток – тяжелая колюще-рубящая шпага.

⁷ Баскетсводы – национальный шотландский палаш с корзинообразным эфесом.

для игры в мяч, вызвало бурю восторга, которого вряд ли удостоивалась звезда эстрады, вбегая в наполненный ликующими почитателями зал. За моей спиной из-за темной арки ворот, перекрытой двойным железным частоколом решетки, доносились гулкие мерные удары. Даже человеку несведущему было ясно, что парижский сброд, добравшись наконец до дворца, в слепой ярости пытается выломать тяжелые дубовые ворота, обшитые крест-накрест широкими железными полосами и оснащенные для разбивания таранов четырехгранными металлическими пирамидками.

– Все готово, государь. – Невысокий гасконец с посадкой головы настолько гордой, что поневоле закрадывались мысли о древнепатрицианском его происхождении, подвел мне коня и, изысканно поклонившись, замер на месте, ожидая дальнейших распоряжений.

– Доложи обстановку! – скомандовал сопровождающий меня де Батц.

– Здесь четыре с половиной сотни, еще полсотни у ворот, остальные ведут огонь из окон.

– Пора, сир! – Мой лейтенант повернулся к своему повелителю, должно быть, ожидая высочайшего соизволения начать давно предвкушаемое кровавое пиршество.

Я молча кивнул. Признаться, необходимость столь буквально исполнять обязанности невесты куда пропавшего монарха меня изрядно угнетала. Одно дело – изобразить его, пока расторопный Лис будет доставлять оригинал в руки

жаждущего под землей агента Речи Посполитой, совсем другое – водить в атаку преданные тебе, вернее ему войска. Кстати, войска войсками, но где же все-таки Генрих? Я не успел додумать. Де Батц взмахнул рукой, взвыл кавалерийский рожок и... рев боли и ужаса по ту сторону ворот был ему ответом. Должно быть, дождавшиеся этого сигнала защитники дворца опрокинули на головы атакующих объемистый чан с кипятком, а то и с кипящим маслом. Удары в створки ворот стихли. И в тот же миг, точно дерзкий вызов озверевшей черни, знаком полного презрения к ее кроваждному буйству – ворота распахнулись многозубой пастью загнанной в капкан парижской волчицы.⁸

Ба-ба-а-х – гром среди ясного неба, гнев олимпийских богов, молнии Юпитера и боевой молот Тора – все было в этом ужасном гуле, сотрясшем дворец. Длинные языки пламени, вырвавшись из-под арки, выплеснули в отшатнувшую толпу тысячи смертоносных картечин. Прямой наводкой. В упор.

– Бомбарды, – удовлетворенно прокомментировал увиденное гарцевавший рядом де Труавиль. – Сейчас аркебузы вступят.

Точно повинаясь его негромкому приказу, полсотни швейцарских аркебузирова сомкнули строй перед орудиями, кладя свое грозное оружие на сошки. Очередной залп заставил чуть было опомнившуюся толпу вновь отпрянуть в ужасе. За спинами аркебузирова всюду суетились бомбарди-

⁸ По некоторым легендам название «Лувр» происходит от «лувэ» – волчица.

ры, растаскивая в стороны короткорылых певич,⁹ освобождая дорогу неистовой стремительной атаке.

Вот тяжеленные орудийные лафеты были повернуты, и в образовавшийся промежуток, под грохот огромных барабанов, мерным шагом, на ходу опуская алебарды, двинулась колонна швейцарской гвардии. Аркебузиры расступились, пропуская земляков, и те, с отрешенным выражением на лицах, не сбавляя шаг, вклинились в ошалевшую толпу, без пощады разя всякого не успевшего спастись бегством. Слабые попытки горожан, после столь «пламенного» приема растерявших свой наступательный пыл, противостоять их слаженной и методичной «работе» пресекались в самом зародыше беспощадными короткими тычками алебард. Вонзившись в толпу, точно нож в масло, гвардейцы по команде развернули строй, поставив по две шеренги спиной друг к другу, и шаг за шагом, не обращая внимания на крики плавающих в крови буржуа, переступая через поверженные тела, точно через бездушные поленья, начали раздвигать толпу в разные стороны. Как только между шеренгами оказался достаточный промежуток, из-под арки грянул еще один залп, сметая все живое на своем пути, а затем...

– Мой капитан! – Де Батц с эстоком в одной руке и пистолем в другой бросил на меня напряженно просящий взгляд, точно новобранец, умоляющий командира пустить его в увольнение к любимой. – Время кавалерии! Гасконцы

⁹ Певичы – зингерини (нем.), вид бомбард.

ждут вашего приказа!

Я редко встречал людей, способных так вот, не напрягаясь, не замечая того, давать мне уроки отваги и самообладания! Что скрывать – Мано де Батц был именно таков. «Вперед!» – негромко скомандовал я.

«Вперед, пистольеры!» – радостно заорал мой лейтенант. «Наварра!!!» – вторил ему клич де Труавиля.

«Наварра!!!» – подхватили сотни луженых глоток, и Гасконские Пистольеры, горяча коней, галопом вынеслись из ворот, разряжая в чьи-то головы свои пистолы и рубя без разбора длинными клинками эстоков.

«Наварра!!!» – ревели они. «Наварра!!!» – неслоь ото всюду, точно это слово обладало магической силой, защищающей в бою от пуль и копий противника. Следом за нами, сопровождая свое движение звуками заунывных волюнок, шагали шотландцы, в недавнем прошлом личная гвардия Франциска II, короля Франции и Шотландии, готовые пустить в ход палаши и кинжалы.

Конечно, как ни велик был наступательный порыв всех этих смельчаков, их было лишь пять сотен против десятков тысяч парижан. Но за последние минуты все эти буржуа и клошары,¹⁰ ставшие в ночь святого Варфоломея разбойниками с большой дороги, все эти горе-вояки в ужасе видели тысячи тысяч беспощадных ангелов мести, пришедших покарать каждого из них лично. Любой из этих обреченных ви-

¹⁰ Клошары – парижские нищие.

дел швейцарцев, гасконцев, шотландцев, готовых убить лично его, такого живого и так страстно желающего продолжать этот процесс и далее.

Толпа попятилась. Шаг, еще шаг... и, бросая оружие, топчась упавших, сметая тех, кто еще пытался сохранять спокойствие, она обратилась в бегство. Но, точно волна разбивается об утес, разбилась она о все еще целую во многих местах высокую ограду внешнего двора.

Уж и не знаю, сколько парижан полегло при штурме дворца, но то, что беспорядочное бегство и давка в проломах стояла сотен жизней — было несомненным.

Однако, несмотря на явный успех нашей вылазки, праздновать победу было преждевременно. Остановленные чьей-то властной рукой по ту сторону ограды, горожане постепенно приходили в себя и, со смешанным чувством стыда за собственную трусость и ненависти к тем, кто был ей причиной, вновь собирались в отряды, чтобы еще раз попытать удачи в следующем штурме.

Полководец горячий и неопытный, вероятно, пожелал бы развить первый успех атаки преследованием, но среди нас таковых не было. Преследование, ломавшее строй, было бы неминуемой гибелью для маленького отряда. Тем более что тот, чья властная воля остановила бегство толпы, был хорошо известен. Герцог Генрих де Гиз, получивший вслед за своим отцом на поле боя прозвище «Меченый», невзирая на молодость, был отнюдь не новичком в военном деле. Я, как

ни старался, не мог разглядеть в штурмующей толпе ни единого солдата с белым лотарингским крестом его полка. Стало быть, этот козырь он берег для решающего момента. А парижане... Ну кто же ведет счет пушечному мясу?!

Вновь взвыл рожок, теперь подавая сигнал окончания атаки, и защитники Лувра, все так же сохраняя строй, вернулись во внутренний двор. Захлопнулись ворота. Пользуясь передышкой, быть может, краткой – каких-нибудь десять – двадцать минут, я вновь вызвал Лиса:

– Джокер-2, как успехи?

– Разнообразно, капитан. Пока вы там геройствовали, я облазил весь третий этаж, где сейчас заперты королевское семейство и всякая придворная шушваль. Как я и предполагал, Генриха здесь нет. И вообще, он последний раз светился, когда Мано со своими ребятами только-только захватили дворец. Зато я нашел кое-что другое. Возможно, это тебя тоже заинтересует.

– Вот как? Что ты имеешь в виду?

– Я нашел спальню Марго, тщательно запертую изнутри, однако открытую настежь снаружи.

– В каком смысле?

– В смысле окон. Окно распахнуто, а из него свисает веревочная лестница. Создается такое впечатление, что весь любовный треугольник в полном составе сдернул отсюда от греха подальше. Хотя нет, в данном случае скорее к греху поближе.

– М-да, странно все это.

– Шо именно? – ехидно поинтересовался Лис.

– Ну, то, что охрана недосмотрела – это понятно. В такой суматохе немудрено. То, что в покоях Маргариты нашлась веревочная лестница, – тоже объяснимо, зная любвеобильный характер, так сказать, «моей супруги». Но зачем запирались в таком случае изнутри? Опять же: почему бы не прихватить с собой и братьев? Опять же, мать ее?.. А кроме того, лично у меня в голове не укладывается вид очаровательной принцессы королевского дома Валуа, на глазах тысяч восхищенных парижан выбирающейся в окно и лезущей вниз по веревочной лестнице. Она что же, так в одиночестве и бросилась через простреливаемый двор в объятия разъяренной толпы? Что-то здесь не так.

– Согласен, не так. Но факт остается фактом: Маргариты нет, Генриха нет, и зазнобы его тоже нет. Да, кстати, – безо всякого перехода продолжил он. – О матери ее, в смысле о матери счастливой новобрачной. Двигаюсь я по коридору, ищу покои Маргариты, встречаю тетку: лицо – шо оно есть, шо его нет. Платъечко такое мраченькое, думал – какая-нибудь местная кухарка. Оказалось – фиг вам! Собственной персоной королева-мамаши Екатерина Медичи. Давай она меня расспрашивать: да кто такой, да откуда взялся, да как звать?

– Ну а ты? – встревоженно спросил я.

– Отмазался, понятно. Сказал, шо я твой новый адъ-

ютант и буквально час назад вечерней лошастью из родной Гаскони прибыл. Да, вот еще, у этой Екатерины фрейлины – умереть не встать! Помнишь, мы гуляли в саду у Ала-эд-Дина? Вот что-то в этом роде! Глаза разбегаются, сбегаться никак не могут! У меня по этому поводу есть дельное предложение: поскольку кроме тебя здесь никаких других Генрихов Наваррских нет – давай уж теток спасем. Михал, я думаю, будет не против, с Институтом как-нибудь разберемся...

– Лис! – перебил его я. – Ты соображаешь, что ты наделал?!

– Ничего пока, – обескураженно отозвался мой напарник.

– Это тебе так кажется. Екатерина знает всех людей в Лувре. Она знает всех дворян, приехавших на свадьбу моего двойника. Тебя не было ни среди первых, ни среди вторых. Ты также не пришел с пистолёрами де Батца. Стало быть, есть некий ход, по которому ты попал в Лувр. А значит, этим же ходом можно из Лувра выйти.

– Ты думаешь, догада-алась? – ошарашенно проговорил д'Орбиньяк.

– Вне всякого сомнения. Она такие шарады щелкает, как у вас на родине семечки.

– Да ну! – после некоторой задумчивости отозвался мой друг. – Наверняка ей известны потайные выходы из Лувра.

– Известны. Но, возможно, не все. Иначе бы ее здесь уже не было. Те, которые ей известны, вероятно, охраняются.

– Мой государь! – Корнет Гасконских Пистольеров почти-
тельно окликнул меня, указывая на приближающегося пар-
нишку лет четырнадцати, одетого в цвета Екатерины Меди-
чи. – Вас разыскивает камер-паж Ее Величества.

– Что тебе? – окликнул я юнца.

– Ваше Величество, королева просит вас пожаловать к ней
для важной беседы, – поклонился отрок.

– *Ну вот! Добро пожаловать к теще на блины!*

Глава 3

*Точка оптического прицела у вас на лбу – это
тоже чья-то точка зрения.*

Ли Харви Освальд

Осада Лувра продолжалась. Несмотря на то, что в сравнении с потерями парижан наши были ничтожны, – это были невосполнимые потери. Подмоги ждать было неоткуда. И я, и де Батц, и командиры шотландцев и швейцарцев понимали это, как понимали и другое: сдача в этот момент равносильна самой мучительной смерти, какую только каждый из нас мог себе представить. Единственным «козырем» в нашей ситуации была королевская семья, удерживаемая в Лувре в качестве заложников. Но это был, увы, ложный козырь. Полагаю, де Гиз дорого бы дал за то, чтобы мы расправились с домом Валуа, дабы затем, крича о поругании французской короны, расправиться с нами. То есть, конечно, не со мной лично, а с Генрихом Бурбоном, кузеном Валуа в двадцать третьей степени родства и их ближайшим родственником по мужской линии.

Опасность, нависшая над обитателями королевского дворца, была более чем реальна, и Ее Величество королева-мать, коварнейшая Екатерина Медичи, не могла не понимать этого. И раз сейчас она желала срочно увидеться со сво-

им новоиспеченным зятем, значит, у нее было что сказать. Вероятнее всего, именно на эту тему.

Я кинул взгляд на лейтенанта, деловито распоряжающегося разгоряченными битвой ветеранами:

– Мано! Принимай командование на себя! Я скоро буду.

В принципе, данное приказание было излишним. Испокон веку реальное командование в таких именных частях принадлежало именно лейтенантам. Капитаны же, блиставшие более при дворе, чем на полях сражений, становились во главе своих эскадронов и рот лишь во время королевских парадов, чтобы лишний раз вызвать зависть окружающих красотой породистой лошади и богатством миланских доспехов, изготовленных в парижских мастерских родственника королевы маршала Пьетро Строцци. Впрочем, судя по всему, Генрих Бурбон был не таков. И все же...

– Слушаюсь, мой капитан! – выпалил де Батц, прерывая на долю секунды проверку оружия своих храбрых гасконцев.

– Веди! – скомандовал я дождавшемуся камер-пажу, и тот, поклонившись с преувеличенным почтением, дал мне знак следовать за ним.

Екатерина Медичи ждала меня в своих покоях, облаченная, как обычно, в традиционный траур по убиенному супругу, который не снимала уже много лет, невзирая на то что все возможные сроки уже давным-давно истекли. Впрочем, роб из черной шелковой саржи с золотыми позументами и разрезными рукавами на пуговицах из плетеного золотого

шнура был ей весьма к лицу, если бы к этому лицу могло идти хоть что-нибудь. Во всяком случае, известный турецкий кутюрье Жан Делоне сделал для этого все, что было в человеческих силах. Однако, ничего не попишешь, лицо Екатерины уже давно не обладало ни красотой, ни выразительностью, а уж фигура, быть может и имевшаяся много лет назад, после десяти родов не могла быть исправлена никаким платьем. Но вот глаза... О таких говорят – «видят насквозь».

Проведшая большую часть жизни в чужой стране, среди чужих людей, лишенная любви собственного мужа, не принятая королевским двором – она задолго до основателя дзюдо, доктора Дзигаро Кано, выработала для себя принцип «поддаться, чтобы победить». Она знала всех и вся, она помнила все обо всех, она стравливала интересы сильнейших своих противников, становилась на сторону то одного, то другого. Она становилась на сторону слабого против сильного, покуда сильный не слабел, и тут же подставляла ему руки, не давая окончательно рухнуть. Она знала все человеческие слабости и играла на каждой из них в отдельности и всех вместе, как опытный дирижер вышколенным оркестром.

Набранный ею штат придворных дам, в считанные секунды поразивший моего впечатлительного напарника, способен был вскружить голову любому, видевшему объект страсти в лицах противоположного пола. Сколько тайн было раскрыто под сенью альковов красавиц «летучего эскадро-

на», сколько возможных заговоров завершилось на полпути среди их смятых простыней, сколько противников королевь-матери сгорали от желания пронзить друг друга, оспаривая место в объятиях божественно прекрасных мадам де Сов, де Керневуа, де Вилькье и многих им подобных! Обо всем этом говорили темные итальянские глаза Екатерины Медичи, никем не любимой, но всеми почитаемой безраздельной хозяйкой королевства. «Паучихи», как шептались они при дворе.

– Входите, мой дорогой Генрих! – слегка коверкая слова на итальянский манер, промолвила Екатерина, улыбаясь радушно и протягивая для поцелуя унизанную переливающимися перстнями пухлую ладонь.

Ах, какая высокая честь сидеть в присутствии августейшей тещи! И это не одному из Валуа, а простому, незатейливому Бурбону!

– Мне передали, там, внизу, вы только что одержали славную победу.

– Ах, Ваше Величество, – с печалью в голосе вздохнул я, – победа над шайкой разбойников, как бы ни велика была эта шайка, безусловно, приносит пользу. Но не дает славы. К тому же враг отступил, но вовсе не разбит.

– Это верно, – грустно покачала головой лицемерная итальянка так, точно разгром толпы гизаров, именующих себя Священной Лигой, был ее заветным желанием на протяжении последних лет. – Силы не равны.

– Увы, это так, – вынужденно согласился я. – Но последний из защитников Лувра падет прежде, чем вся эта шайка мародеров сможет войти во дворец.

– Я не сомневаюсь в вашей отваге, дорогой зять, как не сомневалась в отваге вашего отца.

Королева смирила меня многообещающим взглядом. Мой «батюшка» Антуан Бурбон имел неосторожность поверить ее посулам и опомнился слишком поздно, как раз незадолго перед безвременной кончиной.

– Поверьте, я всецело на вашей стороне. Ведь, устроив эту дикую, эту нелепую бойню, парижане тем самым нарушили королевские гарантии, выданные вам перед свадьбой. Негодяй Гиз превратил мое семейное торжество в позорную западню. Он твердит, что желает наказать гугенотов, но истинная его цель королевский дом.

Она говорила с пафосом, и в логике ее словам было не отказать. Возможно, будь на моем месте истинный Генрих Наваррский, он бы и поверил этим речам, но не я. Я не был тем юнцом, которого видела во мне королева.

– Вы мне не верите? – продолжала королева, очевидно, увидав сомнение в моих глазах.

– Ну что вы, мадам! Моя мать, умирая, завещала подставлять левую щеку, если бьют по правой, прощать своих врагов и верить вам.

Глаза Екатерины метнули молнии, но ни один мускул не дрогнул в ее лице. Конечно, она не могла не знать, что злая

молва приписывает именно Черной Вдове безвременную смерть истовой сторонницы учения Лютера – Жанны д'Альбре, королевы Наваррской. Байка о ее надушенных перчатках обошла множество романов, обрастая все новыми подробностями. На самом деле эта история была полной ерундой. Королева Жанна умерла естественной смертью. Причина ее кончины была вполне прозаична – гнойное воспаление правого легкого. Но об этом знал я и вряд ли ведал мой двойник.

– Да, она была святая женщина, – самым печальным голосом произнесла Екатерина. – Мир праху ее. Однако сейчас не время тревожить умерших.

– Чего же вы хотите, Ваше Величество? – с деланной наивностью спросил я.

– Мы все желаем одного и того же, – едва заметно поправила королева. – Выжить и победить. У меня есть для этого надежные средства. У вас же – возможность помочь мне воспользоваться ими.

– О чем вы?

– Близ Парижа стоит армия маршала Монморанси. Он католик, но его никогда не занимали вопросы веры. Зато маршал всегда недолюбливал Гизов, а уж после сегодняшней ночи и подавно.

– Да, – вздохнул я. – Несчастный Колиньи был его кузеном.

– Верно. И он с радостью отомстит Генриху Гизу за смерть

родственников.

Я сделал вид, что восхищен столь простым и в то же время действенным проектом. Но уж куда моему мелкому лицедейству до притворства Ее Величества. Конечно же, моя собеседница не желала того, что происходило сейчас. Вызывая к себе внучку Лукреции Борджиа, мать Генриха Гиза – Анну д’Эстре, и подавая ей мысль об истреблении адмирала, королева, ее добрая подруга, полагала, что возмущенные гугеноты нападут на вождей Священной Лиги. Лигисты в ответ устроят бойню, а войска губернатора Парижа, маршала Монморанси, заблаговременно выведенные из города за день до того, вернутся, чтобы подавить «волнения» на улицах и восстановить законный порядок. В результате: ни вождей гугенотов, ни вождей Лиги – одна сплошная королевская власть!

Задумано недурно, кабы не безвестный гасконский лейтенант, – вполне могло сработать. Сейчас же королева-мать в мановение ока меняла свои планы, как обычно, стараясь выиграть в любой ситуации.

– Да, – согласно кивнул я. – Это хорошая мысль. Но как добраться до маршала и кто сможет отдать ему приказ обрушиться всей силой на Париж?

– Я, – без ложной скромности проговорила Екатерина. – Вы выведите нас из дворца, а я приведу войска. Ведь вы же не станете отрицать, мой дорогой, что у вас есть какой-то тайный ход, связывающий Лувр с безопасным местом в Париже.

Я молча поклонился, активизируя связь:

– Лис, как я и говорил, старая Паучиха догадалась о подземном ходе.

– Ну, капитан, шо поделаешь... Я протупил. С кем не бывает! В конце концов, ничего страшного, кажется, из этого не проистекло. А в общем-то, хочешь, я скажу тебе одну вещь, может, не смешную, но резонную? Де Бати, конечно, мужик крутой. Я вижу, что он тебе по душе, но мы здесь для того, чтобы вытащить Генриха Наваррского, полное наличие отсутствия присутствия которого мы имеем честь наблюдать. А стало быть, хоть мы свою задачу и не выполнили – она все же выполнена. Так что, Капитан, пора сдавать шпаги в реквизит. Прихватим пару каких-нибудь безделушек для шефа, и гуд бай, Париж!

– В общем-то ты прав, – согласился я. – Сейчас доведем дело до конца – и домой!

– Угу, до конца, – тяжело вздохнул Лис. – Этого-то я и боялся.

– Да ну, перестань! Свяжись с Дюнуаром, скажи, что ты сейчас спустишься к нему с Екатериной Медичи.

– Ни хрена себе замена! – с безысходным восторгом откликнулся Лис. – То-то он обрадуется! Мишель! – вдохновенно продекламировал мой напарник. – Принимай его мать, в смысле Его Величества Мать. Извини, Наваррского не было. Слышь, Капитан! Раз уж все равно ходом будем пользоваться, может, теток заодно прихватим? Все пану

Михалу будет не так обидно!

– Прихватывай, – согласился я. – Нечего им сейчас во дворце делать.

Между тем Екатерина, сочтя мой кивок и молчание знаком согласия, продолжала вдохновенно:

– Поверьте, мой дорогой, я и мой сын Генрих сможем побудить маршала Монморанси атаковать Париж и разгромить мятежников.

– Генрих Анжуйский, – задумчиво проговорил я, скрещая руки перед грудью. – Победитель при Жарнаке и Монкантуре.

– О да! – удовлетворенно улыбнулась королева-мать. – Генрих Анжуйский, генерал-интендант Франции, имеющий право распоряжаться перемещением войск.

– Верно, – согласился я. – Но такой опытный воин необходим здесь. К тому же он послужит гарантией тому, что армия Монморанси, вместе с мятежниками, не пожелает уничтожить и нас.

– Вы мне не верите, Ваше Величество? – с видом оскорбленного достоинства опять начала Черная Вдова.

– Ваше Величество! Сегодня вы уже задавали этот вопрос, и с той поры ничего не изменилось. Шевалье д'Орбиньяк, которого вы осчастливили приватной беседой, выведет вас из дворца. Вместе с вами в безопасное место будут доставлены ваши дамы и, если пожелаете, принц Франсуа Алансонский. Так будет спокойнее – и вам, и мне.

– А сам-то ты как? – встревоженно начал Лис. – А то я тебя знаю...

В дверь постучали. Пользуясь правом победителя, помноженным на врожденное гасконское пренебрежение правилами светского этикета, в покои вдовствующей королевы, звеня шпорами и бряцая своей длинной шпагой, вломился Манно де Батц. Замерший за его спиной камер-паж, очевидно, намеревавшийся задержать наглеца и доложить о его приходе государыне, извиняющимся взглядом смотрел на итальянку, демонстрируя, что сделал все, бывшее в его силах.

Королева презрительно поджала губы, но неотесанному гасконцу было глубоко наплевать на все возможные гримасы ее лица. Он искал своего командира.

– Мой капитан! – горделиво расправив плечи, отrapортовал он, пренебрежительно поглядывая на сидящую в высоком кресле королеву. – Герцог Гиз прислал парламентарера. Прикажете выслушать? Или сразу повесить?

– Обязательно выслушать! Простите, Ваше Величество, сами видите – дела. Д'Орбиньяк сейчас зайдет за вами. Я не прошу вас заручиться указом короля, повелевающим маршалу Франции уничтожать жителей столицы, ибо Карл не даст вам его. Полагаю, мы обо всем договорились!

– Капитан, ну а ты-то?

– Проводишь королеву – и возвращайся. Я присоединюсь к вам, как только смогу.

Всю эту ночь Генрих Гиз, отпрыск младшей ветви лота-

рингского герцогского Дома, примерял корону Франции. Он уже был непререкаемым властелином Парижа, и для полного триумфа ему не хватало лишь одного: победителем взойти на ступени поверженного Лувра. Для этого он был готов даже попробовать себя в непривычной роли миротворца. Посланный им в качестве «голубя благой вести» президент Парижского Парламента мсье де Ту был отвратительной кандидатурой во всех отношениях.

Почтенный буржуа, известный лишь тем, что отродясь не имел собственной точки зрения, робкий и косноязычный от природы, он окончательно растерялся, увидев, с кем ему придется вести переговоры. Через стол напротив него сидели король Франции Карл IX, без колета, в распахнутой на груди тонкой шелковой рубашке. Он сидел, кусая губы, яростно вращая глазами и поминутно подскакивая на месте, с явным трудом справляясь с терзавшим его бешенством. Противоположностью ему был меланхолично-мрачный красавец Генрих Анжуйский, в самом начале разговора вставший со своего места и теперь рассматривавший игру света в крупном рубине, красовавшемся в массивном перстне на одном из его тонких ухоженных пальцев. Облокотясь на камин, он несколько деланно зевал, демонстрируя полное пренебрежение как к самому парламентарю с его сбивчивой речью, так и к господину, его пославшему.

Третьим был я.

Видя столь вопиющее несоответствие своего статуса ста-

тусу собравшихся владык, де Ту, запинаясь, раз за разом повторял условия Гиза: сдача Лувра, выдача главарей гугенотов, с условием сохранения им жизни, сдача оружия солдатами, кроме шпаг у дворян, и свободный путь в Ла-Рошель или любой другой уголок Франции для всех сдавших-ся. Гарантом этому должно было служить слово чести герцога, которое, как убеждал нас невольный переговорщик, будет подкреплено соответствующим постановлением Парижского Парламента. Пустой звук, завернутый в клочок испанной бумаги.

Понятное дело, меня, как представителя «военной власти» Лувра, подобные условия не устраивали абсолютно. Но сам по себе факт переговоров позволял тянуть время. Часа через четыре передовые отряды Монморанси, конечно, при удачном стечении обстоятельств, могли войти в Париж.

– Полагаю, господин де Ту, вы не ожидаете, что мы дадим вам ответ сию минуту, – глядя сверху вниз на вжавшегося в кресло президента, кинул я. – Передайте герцогу, что мы желали бы взять время до рассвета на раздумья.

– Но, Ваше Величество, вы не можете не понимать, то есть я хочу сказать... Э-э-э, осмелюсь заметить... э-э-э, то есть это не я, а его светлость герцог Гиз... Э-э-э, в общем, его светлость считает ваше положение безнадежным, – впиваясь пальцами в резные подлокотники, выпалил де Ту.

Почет, оказанный ему как парламентарю, казалось, сковал все его тело подобно полярному льду, сжимающему в тисках

вмерзшее судно. Он понимал, что происходит невозможное: что он сидит в присутствии двух королей, что гром должен разразиться его если не здесь у подножия трона, то сразу по выходе из дворца, но сделать ничего не мог. Положение заставляло сидеть, в то время как естество и воспитание требовали немедленно вскочить и застыть пред грозными очами монархов, опустив голову. Ужас и гордость разрывали душу несчастного буржуа, лишая его и без того малой уверенности в себе.

– Передайте герцогу, что старинная пословица гласит: «Кто сражается – тот не побежден». Без сомнения, наше положение тяжело, но для того, чтобы положение его самого стало положением во гроб – хватит одной меткой пули, одного удара шпагой. Либо он ждет до рассвета, либо нам не о чем вести переговоры. Ступайте, господин де Ту, и передайте Гизу эти слова в точности. Если пожелаете, я могу приказывать для вас их записать.

Карл IX и Монсеньор, взятые мною на переговоры для создания видимости хоть какого-то единства между осажденными, демонстративно покинули залу, так и не удостоив посланца вождя Священной Лиги ни единым словом. В нашем мире сидевший минуту назад рядом со мной монарх с земле-багровым, искаженным яростью лицом, как и Гиз, сам с кровавым восторгом лишал жизни гугенотов в эту ночь. Здесь он был лишен этой возможности, и друг его детства теперь стоял под стенами дворца во главе беснующейся толпы, опьяненной от кровопролития. Стало быть, он был мя-

тежником. А королю Франции не о чем договариваться с мятежниками.

Переговоры были окончены, и я уже начал подумывать о целесообразности моего дальнейшего пребывания в Лувре. Конечно, как человек, привыкший проводить изрядную часть своей жизни в сражениях, я подсознательно не желал бросать начатое дело, оставлять боевых товарищей, с которыми уже успел хлебнуть опасностей из одного котла. Но Лис был прав – Генриха в Лувре не было, а все остальное нас не касалось. Самое время было уходить. В этих мыслях я дошел до двери, за которой только что скрылись мои «августейшие кузены», и тут же нос к носу столкнулся с де Батцем, должно быть, уже давно поджидавшим окончания дипломатической суеты.

– Мой капитан! – возбужденно произнес он, и у меня в голове невольно ясно вырисовалась картинка: агрегат, выплевывающий из своих недр мячики для большого тенниса. У нас такой использовался на тренировках. Не успеешь увернуться от вылетевшего мяча – синяк будет сходить неделю.

– Мой капитан! – вновь повторил де Батц. – Там у нас перебежчик!

– Перебежчик? У нас?

Мне частенько приходилось видеть перебежчиков, но они все, как один, были людьми, бежавшими от слабой стороны к сильной. Но бежать в осажденный Лувр из ликующего в предвкушении победы Парижа?.. Это было что-то новень-

кое.

– Вы его проверили? – спросил я, памятуя о кинжале убийцы-фанатика, уготованном всем трем Генрихам, принимающим участие в нынешней кровавой обедне.

– О да, мессир! Он без оружия, к тому же ранен. Просит о встрече с вами, утверждает, что вы его знаете, и клянется, что у него для вас важное известие.

– Хорошо, – кивнул я. – Веди.

Мы двинулись длинным коридором третьего этажа. Защищенные прочными ажурными решетками окна кое-где были разбиты, и сквозь эти дыры в душные дворцовые помещения тянуло ночной свежестью. Впрочем, к ней примешивался изрядный запах гари. У самого берега Сены, за Луврским садом, пылал недостроенный дворец королевы-матери Тюильри. Сил для обороны еще и его у защитников Лувра не было. И теперь все эти, построенные с итальянской роскошью, апартаменты уничтожались безжалостным огнем, давая обороняющимся надежду, что пламя пожара остановит гизаров, желающих пробраться от набережной Сены к королевскому дворцу. Наконец наш путь закончился у одной из комнат прислуги на первом этаже. Человек, желавший меня видеть, лежал лицом вниз на кушетке, покрытой поверх соломенного тюфяка темным плащом из грубой шерсти. Раны на его спине были перевязаны кусками белой холстины, но кровь унять не удавалось, и она сочилась из-под быстро буреющей повязки, стекая на плащ. Какой-то невысокий плот-

ный человек колдовал над ним, пытаясь помочь раненому. Заслышав наши шаги, несчастный открыл глаза и постарался сфокусировать взгляд на пришедших.

– Ваше Величество, – прошептал он. – Вы узнаете меня? – Он замолчал, должно быть переводя дыхание, а может, давая мне время на опознание. В комнате повисла неловкая пауза. Я, при всем желании, не мог узнать его, поскольку прежде никогда не видел. Уж и не знаю, как истолковал мое молчание истекающий кровью мужчина, но, печально вздохнув, он продолжил, прерывая неловкую паузу:

– Вы помните маленькую девочку Фьоретту?

– Фьоретту? Дочь садовника из По?

Я читал когда-то об этой истории. То ли у Генриха Манна, то ли у дю Терайля – точно не помню. Фьоретта была первой детской любовью принца Беарнского, нынешнего короля Генриха Наваррского.

– О да, ее! Тогда у вас был соперник, сын местного кузнеца, помните?

– Да, что-то такое было... – неуверенно промолвил я.

– Он перед вами, сир. Ваш дед дал моему отцу денег, чтобы мы уехали из По. До недавнего времени он содержал таверну здесь, в Париже. Таверна «Две коровы», сир. Там сейчас находится штаб герцога Гиза. – Я напрягся. Перебежчик из штаба врага – редкая удача. Однако, утомленный речью, беарнец вновь замолчал, переводя дух. – Сир! – отдохнув, продолжил он. – Я пришел сказать вам: герцог Гиз хочет взо-

рвать Лувр. Он велел начать атаку, чтобы посланные им люди могли в это время проникнуть во дворец.

– Ты знаешь это верно? – сводя брови над переносицей, спросил я.

– Сам слышал, как он давал им указания.

– Проклятье! – Я закрипел зубами.

– Неужели такое возможно? – скорее удивленно, чем испуганно проговорил стоявший рядом со мной де Батц. – Ведь здесь король!

Похоже, отважному вояке было невдомек, как может подданный, дворянин, да к тому же герцог, желать гибели своего сюзерена.

– Возможно, – резко отрезал я. – Он хочет похоронить здесь всю династию Капетингов. Сколько входов в арсенал?

– Восемь.

– Значит, через один из восьми этих входов люди Гиза могли проникнуть к пороховым складам. Черная Вдова, не веря парижанам, устроила их почти что под собственной кроватью. Чтобы проверить, пробрались ли люди Гиза туда, нужно время. Полчаса, может быть, час. Этого более чем достаточно, чтобы взорвать дворец. Мано, пошли людей проверить входы в арсенал. На всякий случай прикажи всем готовиться к атаке. Попробуем пробиться мимо развалин Тюильри к Сене. Если удастся переправиться, разрушить за собой мост и укрепиться в Гран-Шатле – у нас появляется шанс. Через несколько часов здесь будут войска маршала Монмо-

ранси.

– А как же все остальные? – глядя на меня, как на могущественного волшебника, способного щелчком пальцев сокрушить козни коварных врагов, спросил де Батц. – Ведь здесь сотни слуг, лакеев, камеристок, горничных...

– Я сделаю все, что смогу. Остальное – в руке Божией, – отрезал я.

– Благодарю тебя, друг мой. – Я наклонился к раненому. – Не знаю, удастся ли нам пережить эту ночь, но если да, клянусь – я о тебе не забуду! Почтенный эскулап, сделайте все, что возможно для этого шевалье.

Мы с Мано вышли из комнаты.

– Послушай, – начал я. – К тому входу в арсенал, рядом с которым мы с тобою встретились ночью, пойду я сам. Рядом с ним есть замаскированный лаз подземного хода. Я постараюсь спасти королевскую семью, ну и кого успею. А ты готовь отряд к бою. Если что – атакуйте без меня.

Лейтенант зашагал прочь, а я, пользуясь минутным затишьем, активизировал связь, чтобы вызвать Дюнуара.

– *Джокер-1 вызывает Ваганта.*

– *Слушаю тебя, Джокер Первый,* – послышалось у меня в голове.

– *Мишель, ситуация осложнилась.*

– *Да, Лис рассказал мне,* – хмыкнул пан Михал.

– *С тех пор она осложнилась еще больше. Гиз собирается взорвать Лувр вместе со всеми его обитателями. Устроил*

для показухи переговоры, чтобы отвлечь наше внимание и создать себе алиби: «Мол, я хотел мира, но фанатики-гугеноты решили умереть не сдаваясь».

– Твои действия?

– Я хочу спасти как можно больше народа через наш ход. Так что, будь добр, пришли Лиса или приходи сам.

– Хорошо, – после некоторого раздумья согласился агент Речи Посполитой. – Лиса я отправил с Екатериной за Монморанси. Сейчас буду сам. Держись на приеме.

Тяжелее всего для сильного мужчины – чувствовать собственную беспомощность. У меня не было сомнений, что израненный южанин говорил правду. Взорвать Лувр – весьма эффектное окончание для злодейства, начатого этой ночью Гизом. Конец династии и сокрушение ее золотого чертога – о более символичном жесте невозможно даже мечтать!

Я стоял рядом с королем Карлом и смотрел, как одна за другой исчезают в темном провале подземного хода фигуры придворных. Мой дражайший кузен был полубезумцем, склонным к припадкам ярости, но трусом он не был никогда. Услышав, что дворец вот-вот может взлететь на воздух, Карл IX криво усмехнулся, обнажив в хищном оскале крупные желтые клыки, и спросил: «Вы пойдете первым?»

– Нет, Ваше Величество. Я поведу отряд на прорыв.

– Вот как? Я пойду с вами.

– Но это невозможно, Ваше Величество. Вы должны со-

хранить свою жизнь ради Франции.

– Я пойду с вами, дорогой Генрих, или же спущусь в подземелья за вами вслед. Но только за вами. Я все еще король и должен думать о чести Лилий.

– Монсеньор! – широкоплечий красавец с длинными рыжеватыми волосами, тяжелой волной спадавшими ему на плечи, чуть насмешливо поклонился, обращаясь к брату короля, перебирающего в отрешенной задумчивости жемчужные четки. – Пока Его Величество изволит заботиться о чести Лилий, неплохо бы вам позаботиться и об их благоразумии. Самое время спускаться вниз. Я отвечаю за вашу безопасность.

– Ты прав, дю Гуа, – кивнул принц Анжуйский. – Идем.

Он шагнул к ходу и заметил, оборачиваясь:

– И вам пора идти.

То, что произошло в следующий миг, заглушило ответ короля. Ужасающий грохот, родившийся где-то вдалеке, стремительно приближаясь, комкал все на своем пути, точно сошедшая с гор лавина – карточный домик.

Инстинктивно я схватил за руку короля, спеша добрать-ся вместе с ним до спасительного хода, но тут полуколонна дверей переломилась пополам, будто картонная. Последнее, что я видел: пустые глаза каменного ангела, летящего мне навстречу с ее капители.

Глава 4

Если, придя в себя, вы застали там кого-то еще, не спешите обращаться к психиатру. Быть может, это зверь, разбуженный вашим внезапным выходом.

Инструкция для душевноздоровых

Тысячи маленьких колокольчиков серебряным звоном переливались в голове, порождая мысль, что я все еще жив. Мысль эта, слабая и неловкая, точно младенец, едва пытающийся сделать первые шаги, медленно двигалась по извилинам мозга, отчего-то приводя меня самого в состояние крайнего удивления. Между тем разум неуклонно и безостановочно пробуждался, давая знать о себе калейдоскопом ярких, крутящихся картинок, каких-то обрывков памяти, разрозненных образов, быть может, действительно происходившего, а быть может, порожденного игрой ума.

...Какие-то люди в доспехах, мчащиеся вперед на скакунах, покрытых лазурными попонами с золотыми лилиями, и девушка, коротко стриженная девушка в кирасе, с откинутым за спину кольчужным хаубергом. Она что-то указывает следующим за ней всадникам, кивая на ошестинившихся копьями защитников стены какого-то города. Белое знамя с радугой плещет у нее над головой. Восторженные лица закованных в железо рыцарей вокруг. Десятки глаз, полных

любви и надежды. Кажется, я тоже должен быть там. Я точно должен быть там. Надо встать...

Я пошевелил пальцами, с тайным недоумением ощущая, что, кроме мозга и живущих в нем видений, есть еще какие-то части тела и что они, как ни странно, тоже повинуются мне.

– Он пошевелился, – услышал я приятный женский голос.

– Эй, шевалье, ты слышишь, он пошевелился! Да проснись ты, ради бога!

– А? Что? Что ты говоришь?

Голос, произнесший эти слова, был странно знаком. Я точно помнил, что знал его раньше, но, Сакр Дье, я никак не мог вспомнить ни имя говорившего, ни, боюсь, его внешности. Впрочем, попытка открыть глаза пока что не увенчалась успехом.

– Мой капитан, вы слышите меня? – вновь раздался все тот же знакомый голос.

– *Капитан, ты слышишь меня? Это я, Лис, ответь!*

Так, значит, я капитан. Уже что-то. Впрочем, несомненно, доспехи и оружие я помнил хорошо. И девушку в доспехах я тоже помнил. Помнил этот жест, указующий на ворота крепости. Вот только имя ее...

– Мой капитан! Вы меня слышите?

– *Капитан, ты слышишь меня? Это я – Лис!*

– Лис, – прошептал я, едва двигая мало послушными губами. – Я слышу.

– Ваше Величество! Мой капитан! Это я, лейтенант ваших пистольеров, – Манозэль де Батц!

«Господи, что происходит?! – прорезалась у меня в голове странная мысль. – „Ваше Величество“, насколько я помню, обращение к королю. Во всяком случае, к капитану обращаются как-то по-другому. Или я не прав?»

– Это я, де Батц! Скажите хоть что-нибудь!

– А где Лис?

– Лис? Арман дю Лис, сьер д'Арк, колонель шевальжеров¹¹ Барруа? Но, сир, ведь он погиб два года тому назад у Монконтура!

Д'Арк... Ее звали Жанна д'Арк. Ангеран дю Лис, должно быть, был ее братом или мужем. Да, что-то такое было. Мы должны были спасти ее...

– Дю Лис мертв? – прошептал я.

– О да, мой капитан.

– А Жанна?

– Прошу простить меня, Ваше Величество, – слегка обескураженно произнес именовавший себя лейтенантом де Батцем. – Но соблаговолите уточнить, какую Жанну вы имеете в виду?

– Жанну Д'Арк.

– Мой король! – Удивленная пауза затянулась, вызывая чувство неловкости у обеих сторон. – Она... Ее сожгли...

Вот так. Я – король. Вернее, король и капитан. Если де

¹¹ Шевальжеры – род легкой кавалерии.

Батц об этом говорит – вероятно, так оно и есть. С чего бы ему меня обманывать! Но ни мне, ни дю Лису не удалось ее спасти. Ее сожгли... Странно. А мне казалось, что мы ее освободили.

– Давно?

– С позволения сказать – еще до рождения моего деда.

– Очень странно. Это было как вчера.

– *Капитан, блин, отзовись! Отец родной, я знаю, что ты жив!*

– Увы, Манозль, я слышу голос с того света. Бедняга дю Лис зовет меня. Но разве я действительно отец ему?

– Да что ты морочишь бедняге голову! – Женский голос властно прервал нашу беседу. – Не видишь, что ли? Он бредит. Еще бы – так по голове шандарахнуло! Хорошо – каска крепкой оказалась.

Я понемногу приходил в себя и даже, к немалому удовлетворению, смог открыть глаза. Но, сколь не силился, не мог вспомнить ни лица, ни голоса блюстительницы моего покоя. Свет масляной лампы, едва разгонявшей сумерки ка-морки, где я находился, являл взору склонившихся над моим распластанным телом сиделок: миловидную женщину лет тридцати в одной рубаше, под которой явно прорисовывались тяжелые груди, и широкоплечего усача, одетого чуть более своей подружки, но при шпаге.

– Вам бы следовало подкрепиться, – критически оглядывая подопечного, произнесла девица. – Я принесу вам креп-

кий куриный бульон.

Она поднялась и, сделав несколько шагов, скрылась за дверью. Стоило ей отворить задвижку, как из помещения по ту сторону стены до моего слуха явственно донеслись хохот, нестройное пение и веселые женские взвизги.

– Где я? – с трудом прошептал я, когда мы остались одни.

– В «Шишке», мой капитан! – отрапортовал де Батц.

– Где?! – пытаюсь собраться с мыслями, переспросил я.

– В «Шишке». В борделе.

Я закрыл глаза. Так: я король и капитан, я не смог спасти Жанну д'Арк и, по всей видимости, своего сына Ангерана дю Лиса, чей голос теперь настоятельно требует у меня ответа. С этим более-менее все ясно, но, Сакр Дье, что я делаю в борделе?

– *Черт возьми, Капитан, активизируй связь!*

Голос звал настойчиво, и я, как ни пытался, не мог отогнать слов, звучавших у меня в голове. Навязчивый морок раз за разом призывал к ответу. Это было невыносимо, и все же мне ничего не оставалось, как смириться с неизбежным. Я мученически постарался не обращать внимания на присутствующий в голове голос и вновь обратился к де Батцу:

– Мано! Что произошло? Почему я здесь?

– После того, мессир, как мы расстались, я отправился выполнять ваш приказ. Потом – этот взрыв. Слава богу, в правом крыле...

В моей голове из каких-то неведомых омутов всплыл

странный образ: длинная серовато-серебристая металлическая поверхность, похожая на огромный меч. На ней посередине – ящик с большим крестом впереди. Этот крест вращается с огромной скоростью, и вдруг – бах! – и все рассыпается на куски.

– А фюзеляж?¹² – Я произнес это слово, с удивлением понимая, что не помню его смысла. Однако к крылу это имело прямое отношение – это точно.

– Фюзеляж? А! Фузеляры!¹³ Многие погибли, но большая часть спаслась. – Он наклонился ко мне и прошептал едва слышно: – Я велел им забрать как можно больше дворцовых сокровищ и пробираться в Понтуаз. Они должны ждать нас там. Так вот, – продолжил мой лейтенант, – когда все взорвалось, парижане в ужасе бросились бежать, понимая, что теперь кара небесная постигнет каждого, кто поднял оружие на священные устои. – Мано назидательно поднял вверх указательный палец, должно быть, сам искренне веря произносимым словам. – А я взял десяток молодцов и отправился искать вас. Искал, значит, искал... Вокруг все горело, рушилось, разваливалось. Слава богу, какой-то лакей сказал, что видел вас в Малой Гардеробной. Я бросился туда – а там вы и покойный король Карл. Ума не приложу – зачем вам понадобилось его убивать?!

От неожиданности я попытался сесть, но без сил рухнул

¹² Фюзеляж – корпус самолета.

¹³ Фузеляры (*фр.*) – пешие стрелки.

на подушки.

– Я убил короля Карла?!

– Верно, мой капитан.

– Седьмого?

– Что вы, мессир! Девятого.

Яркая картинка, точно взрыв, вспыхнула в моем мозгу: король с багрово-землистым лицом в распахнутой шелковой рубаше, его искусанные до крови губы складываются в хищную ухмылку. А дальше – взрыв, дым, пламя, летящие каменные обломки... Король, пытающийся вытащить меня из-под разрушенной колонны... да, если это не очередная игра моего больного воображения – значит, так оно и было. Я лежал под обломками колонны, и король пытался меня вытащить.

– Мано, я не убивал короля.

– Мессир, когда я вас нашел, он лежал рядом с вами, с пробитой грудью. И в ране его был ваш кинжал.

– Даже если это так – я не убивал его.

– Увы, мой капитан. Быть может, это действительно верно. В конце концов, не мое дело вмешиваться в распри королей. Но, пуп Господень, пронзенное тело Карла и вас рядом с ним видели десятки человек. Как я слышал, кое-кто из них утверждал, что вы ссорились с ним незадолго до взрыва. Вас ищут по всей Франции как цареубийцу и мятежника. За вашу голову назначена награда. Пятьдесят тысяч ливров.

– Проклятье! – пробормотал я. – Мало того, что у меня

отшибло память и в голове разговаривает какой-то мертвец, так вдобавок меня еще и травят, как лису, за убийство, которого я не совершал.

– Не беспокойтесь, мой капитан. Здесь вы в безопасности. Никто не станет искать короля Наварры в борделе мамы Жозефины. К тому же здесь поблизости – дюжина гасконцев, готовых удавить самого Папу Римского кишками Лютера – лишь бы не дать вас в обиду. Так что набирайтесь сил, а там – глядишь, шум поуляжется.

При этих словах в комнату вошла давешняя подружка моего лейтенанта, неся в руках ароматно пахнущую, объемистую кружку, над которой поднимался густой пар.

– Эй, Мано! Что ж ты, сукин сын, заговариваешь своего приятеля! Хочешь, чтобы у него случилась головная лихорадка, чтоб мозги у него закипели? Иди-ка лучше вниз, выставь за двери одного пьяного наглеца. Он решил, что может получить здесь кое-что без монет. Так покажи ему, что именно! А вы, сударь, выпейте этот бульон, вам он сейчас весьма к стати.

День ото дня мне становилось все лучше. Матушка Жозефина, хозяйка борделя на улице Пон-Вьё, лет пятнадцать тому назад начинала свою карьеру, следуя маркитанткой за королевским полком, и, как видно, знала толк не только в высоком искусстве любви, но и в грубой науке врачевания. Все, что касалось ран, ушибов, переломов, ожогов – словом,

всего того, с чем приходится сталкиваться в военном лагере после боя, — было для нее делом привычным и обыденным. Травяные настои, примочки, наваристые куриные бульоны восстанавливали мои силы буквально на глазах.

Память по-прежнему возвращалась кусками, порождая порой ярчайшие картины событий, свидетелем которых я никак не мог быть. Я не мог освобождать из английского плена Жанну д'Арк, но точно помнил ее лицо и голос. Помнил сражения, отгремевшие сотни лет тому назад. Я никак не мог странствовать в Святой земле, отвоевывая у неверных Гроб Господень, но перед глазами моими частенько вставал образ императора, вещающего что-то толпе замерших прелатов у разверстых ворот Иерусалимского храма.

Быть может, моя бессмертная душа, как утверждали некоторые ученые мужи, не попадала в чистилище после смерти, а странствовала? И по сей день странствует, переселяясь из тела в тело? Таким образом я вижу прежние свои жизни. Но я не мог вспомнить ни имен ученых богословов, говоривших о таком вот переселении душ, ни, что хуже всего, своей роли во всех тех историях, которые мне порой виделось. А еще иногда в моем возбужденном мозгу всплывали видения уж совсем странные: я видел людей, летящих в небе на больших белых парусах, железные кареты с пушками, много более совершенными, чем наши. А еще в памяти воскресали образы людей в перьях, слушающих седовласого оратора с посохом, вокруг которого обвилась огромная змея.

Эти странные воспоминания изводили меня не хуже, чем голос дю Лиса, время от времени требовавший активизировать какую-то связь, настаивавший, чтобы я не предпринимал ничего необдуманного, и утверждавший, что он все равно найдет меня.

Вначале я пытался делиться своими странными ощущениями с верным де Батцем, но они доводили моего друга до такого суеверного ужаса, что я почел за лучшее держать свои беды при себе.

Однако время шло, и оставаться в гостях у Жозефины становилось небезопасно. Имевшееся в наличии золото подходило к концу, и единственным способом пополнить его запас была продажа прихваченных во дворце драгоценностей. Как говорится, война сама себя кормит. Но сколько ни дали бы за них ростовщики – шанс, что деньги не пойдут впрок, был более чем высок. Ищейки Паучихи шастали по Парижу, точно тараканы по столу с объедками, выискивая тех, кого можно было покарать, свалив на их головы всю вину за произошедшее. Я в этом списке стоял первым. Уже были повешены мсье де Ту, обезглавлен родственник Гизов, их ярый сторонник и активный участник «Парижского мятежа» герцог Омальский и несколько десятков вельмож рангом пониже. Уже бежал из Парижа Генрих де Гиз, и его роскошный особняк в квартале Маре был передан в казну, как и имущество его братьев, найденное в столице и ее окрестностях.

Удар по Лотарингскому дому был довольно силен. Теперь

наступала пора королевского дома Наварры, то есть в первую очередь моя. Остаться дольше в Париже было невозможно. Как ни скрывайся я в этих стенах, рано или поздно ищейки все равно выведали бы место нашего убежища, и ни де Батц, ни дюжина гасконцев, готовых безропотно отдать жизнь за короля, не спасли бы меня от «праведного гнева» Черной Вдовы. К тому же прославиться под именем государя, всю жизнь укрывавшегося от опасности в борделе «Шишка», что на улице Пон-Вьё, мне вовсе не улыбалось.

– Сир! – однажды вечером начал бравый гасконец, в час когда хозяйственная Жози устраивала ревизию заработанных девицами монет и потому не крутилась близ красавца лейтенанта. – Пора уезжать из Парижа.

– Верно, Мано.

– В Понтуазе нас ожидает пять дюжин пистольеров, с ними еще до сотни тех, кто сражался вместе с вами в Лувре. Я посылал человека, сегодня он вернулся с сообщением: солдаты будут ждать не более двух недель. Им приходится скрываться, а деньги на исходе. Если мы не появимся, они попросту разбредутся кто куда.

– Значит, за это время нам нужно выбраться из Парижа.

– О да! – радостно подхватил мой помощник. – Наш отряд невелик – не более двух сотен, но это испытанные бойцы. Они будут рады служить под вашим знаменем.

– О чем ты говоришь, Мано? Разворачивать стяг Наварры здесь, не имея под командой даже эскадрона, – это само-

убийство!

– Мы можем уйти в Гасконь и собрать там армию, сир.

– Можем, – вздохнул я. – Но без помощи Испании или Англии у нас вряд ли получится на вербовать более пяти полков пехоты и двух кавалерии. Этого тоже мало для войны с Францией.

– Англия за морем. До нее надо добраться. К тому же туда должен ехать кто-то, способный убедить их королеву дать денег и послать флот. А Испания, прошу простить меня, Ваше Величество... Но ведь вы же гугенот. Король Испании никогда не станет вести переговоры с гугенотом.

– Я – гугенот?! – Этот вопрос вырвался у меня помимо моей воли и, похоже, изумил отважного лейтенанта.

Со времени моего возвращения к жизни вопрос, относюсь ли я к лагерю католиков или же их непримиримым врагам-гугенотам, честно говоря, не тревожил меня нисколько. И вот теперь он встал со всей остротой.

– О да, мессир! – проговорил удивленный де Батц. – Вы глава гугенотской партии, мой капитан.

– Да? Тогда почему я не помню ни одного псалма?

– Сие мне неизвестно, государь. Я вполне был удовлетворен тем, что за всех наших ребят молитвы Господу возносил наш эскадронный капеллан, царствие ему небесное. Светлая душа. Там, в Лувре, рубился до последнего, пока его алебардой в спину не ткнули. – Он печально вздохнул, на минуту задумываясь. – А то вот еще можно двинуться в Ла-Рошель.

Там, правда, католиков не любят, ну да вы меня и ребят не выдадите. Ну а мы с вами – и в огонь, и в воду! Поговаривают, что в Ла-Рошели ваш кузен, принц Кондэ, уже войска собирает. Так, может, туда?

– И по дороге в Ла-Рошель, – поморщился я, – и по дороге в Гасконь нас будут искать, как нигде в другом месте Франции. Кроме того, почему-то мне кажется, что я не в самых добрых отношениях с кузеном Кондэ. Не думаю, чтобы он обрадовался моему приезду. Пока одно ясно точно: из Парижа самое время убираться. И вот еще что. Если я не убивал короля Карла IX – а я готов отдать голову на отсечение, что я его не убивал, – значит, его убил какой-то негодяй, желающий приписать мне смерть государя. Что бы ни случилось, я обязан распутать это дело. Имя короля Наварры не должно быть запятнано обвинением в подлом цареубийстве. А потому, будь добр, послушай, что говорят на эту тему на рынке, в коллежах Сорбонны, у девиц... Где и что сейчас Екатерина, Генрих Анжуйский, Алансон, Гиз, моя супруга Марго и прочие мои родственнички.

– Слушаюсь, мой капитан!

За дверью слышались быстрые шаги хозяйки, должно быть, заскучавшей без лихого гасконца, и я приложил палец к губам, давая знак прекратить наш военный совет.

С этого дня, к немалой печали гостеприимной хозяйки «Шишки», мы начали подготовку к отъезду. Для начала мой верный соратник, прикидываясь простецким искателем уда-

чи из Прованса, обошел все городские ворота, спрашивая, нельзя ли устроиться где-нибудь стражником. Но южный говор Мано заставлял парижан настораживаться, и, невзирая на уверения в полной преданности канонам католической церкви, ни один цеховой старшина, возглавляющий отряд местной стражи, не пожелал взять к себе чужака. И все же сказать, что преданный гасконец зря стаптывал сапоги, было нельзя. Результат, хотя и неутешительный, имелся.

Воодушевленные посулом высокой награды, стражники перерывали повозки, выезжающие из города, заставляли нищенствующих монахов снимать капюшоны у крепостных ворот. Даже поднимали кончиками алебард колпаки прокаженных, возвращающихся с убогой милостыней в приют Святого Лазаря, находящийся по ту сторону новых стен Карла V. Если бы они могли знать, сколько стоит голова словоохотливого простака, потягивающего дешевое вино из оплетенной бутылки и распространяющего вокруг неперебиваемый запах чеснока, вероятно, бдительные стражи сей же миг оставили бы в покое монахов, торговцев и прочий прохожий люд и гнались за Мано через весь город. Но мысль об этом даже не приходила в их головы. В самом деле, не мог же так просто разгуливать по Парижу человек, голова которого оценена в доход с хорошего баронства.

Работу Мано все-таки нашел: возчиком в той самой скорбной лечебнице Святого Лазаря. Правда, для этого пришлось изрядно уменьшить оставшийся у нас запас монет,

но зато теперь в распоряжении будущих беглецов имелась повозка, запряженная двумя справными мулами, огромная бочка для воды, бочонки поменьше, множество высоких корзин для провизии и возможность каждый день выезжать из города и въезжать обратно. На эту бочку у нас были особые надежды. В нужный момент в ней предполагалось поставить второе дно и тем самым превратить повозку в королевскую карету. В корзинах и бочонках, меж овощей, фруктов и свежего мяса, мы надеялись спрятать оружие пистольеров, личного эскорта Моего Величества, по-прежнему околачивающихся по тавернам и борделям улицы Пон-Вьё.

День сменялся днем, приближая намеченную дату нашего побега. Каждое утро Мано отправлялся в скорбный дом своих нанимателей. Затем, с дневной выручкой прокаженных, на рынок и обратно, с продуктами, вином и водой. Стражникам ворот Сен-Дени уже успел примелькаться разбитной возчик, непременно останавливающийся, чтобы угостить охрану чаркой-другой «казенного вина» и ломтем жареного мяса. Мано сыпал прибаутками, расточал добродушные улыбки направо и налево, и немудрено, что скоро был в доску своим для бдительных стражей. Между тем новости, привозимые им каждый вечер, заставляли серьезно задуматься.

В Ла-Рошели, где до недавнего времени стоял с войском один из славнейших полководцев гугенотов де Ла Ну, прозванный «Железной Рукой» после того, как умелые механи-

ки заменили раздробленное пулей запястье механическим протезом, по слухам, прибыл принц Кондэ, злобный коротышка, ненавидящий, кажется, все живое. Сейчас он пылал ненавистью, точно плавильная печь. Отсидевшись во время августовского погрома во дворце своего преисполненного благочестием дядюшки – кардинала Карла Бурбонского, лишь только спала волна бессмысленной резни, он бросился бежать подальше от столицы под охрану солдат де Ла Ну и наемников, приведенных из Германии графом Вильгельмом фон Фюрстенбергом. Правда, после побега Кондэ в столице осталась его жена Мария, тут же торжественно взятая под стражу еще не коронованным королем Генрихом III, к вящей радости обоих, ибо только немой в те месяцы не говорил о бурных перипетиях романа принца Генриха Валуа и дочери герцога Неверского, красавицы Марии. Оттого что теперь малый рост Кондэ компенсировался ветвистыми рогами, ярость заядлого гугенота становилась еще большей. Впрочем, мое положение было ничем не лучше.

Как утверждали злые языки записных доброжелателей, моя собственная супруга Марго в данный момент находилась в Шалоне, в компании со своим давним любовником Генрихом де Гизом, также собирающим полки Священной Лиги для борьбы с еретиками, то бишь нами. Будь у меня время и возможности, я бы не преминул отплатить обидчику той же монетой, обольстив супругу самого Гиза, мадам Екатерину, младшую сестру нынешней фаворитки короля,

но времени не было.

К тому же вопрос оставался неразрешенным: кто-то из сторонников одной из вышеуказанных сил решил отделаться от меня весьма занятным образом – прикончив моим кинжалом законного короля. Интересно, кто? Человек Генриха Анжуйского, желающий поскорее добыть престол для своего господина? Сторонник Гиза, пытающийся таким образом отсечь от древа Капетингов, как ему представлялось, лишние ветви? Да и тот же Кондэ мог послать убийцу расправиться с главой Католической партии. А уж тот, пользуясь случаем, и для своего хозяина решил местечко расчистить. В конце концов, насколько я помню, и матушка Екатерина, всемогущая Паучиха, к своему старшему отпрыску особой любви не питала. А вот Генрих Анжуйский – тот у нее любимчик. Еще совсем недавно его звали королем в Речь Посполитую, и Карл, с его сочащейся сквозь кожу кровью, умирающий, но упорно не желающий поступаться даже крохами собственной власти, был полностью за это, назло своей матери.

Стоп. Речь Посполитая. Что-то у меня было с ней связано... Кажется, я вел с ней переговоры... Или должен был вести?... Не помню. Ладно, об этом потом.

Вернемся к бедняге Карлу. Хуже всего, если его ткнул кинжалом кто-то из собственных придворных, мстя за никому не ведомую обиду. Тут уж точно не найдешь, как ни ищи, – разве что сам когда сознается.

Занятый этими мыслями, я не заметил, как в комнату ти-

хо вошел Мано де Батц в нескладном костюме возчика. Я удивленно посмотрел на друга. Обычно, когда он шел по коридору, его было слышно и внизу – в зале, уставленном столами, и в комнатах девиц. Теперь Мано стоял, потупив взор и комкая в руках войлочную шляпу.

– Что-то случилось? – спросил я насторожено.

– Мессир, – с видимым трудом выдавил лейтенант. – Тут такое дело...

Он тяжело вздохнул и махнул рукой.

– Да что стряслось?

– Да тут вот это... – Он вновь тяжело вздохнул.

– Толком говори, – нахмурился я.

– Ваше Величество, – он свесил голову еще ниже, – это моя вина. Казните меня, как пожелаете.

– Сакр Дье! За что?!!

– У нас повозку украли... – выдохнул гасконец.

Глава 5

*В компании с гасконцем жизнь пролетает
быстро.*

Сирано де Бержерак

Отважный лейтенант Наваррской гвардии стоял потупив взор, разглядывая потрескавшиеся от времени половицы, боясь посмотреть на своего грозного капитана и не имея сил смириться с реальностью и неотвратимостью потери. Я глядел на понурившуюся фигуру земляка, едва сдерживая себя, чтобы не расхохотаться. Казалось невероятным, чтобы какие-то пройдохи могли вот так запросто облапошить славного де Батца. Отвага, скорость реакции и сообразительность моего друга не вызывали ни малейших сомнений, но факт оставался фактом. Повозки, на которую мы возлагали столько своих надежд, не было.

– Сакр Дье! – выругался я. – Мано, но как же так?!

Мнимый возница еще раз тяжело вздохнул и с видом, с каким обычно бросаются в омут головой, начал:

– Мессир! Я уже возвращался из приюта Святого Лазаря, когда на перекрестке улиц Сорбонны и Сен-Жак, неподалеку от монастыря Святого Бенедикта, я столкнулся нос к носу с каретой монсеньора епископа Шатийонского.

– Ну?

– Я начал было сдавать в сторону, но мулы, знаете ли, заартачились и ни в какую. Ни влево, ни вправо. Понятное дело, кучер монсеньора епископа орет. Я держусь изо всех сил, чтоб ему кулаком промеж глаз не съездить. Зубы сжал, молчу да вожжи дергаю. Народ вокруг начал собираться. Глазуют, каналы, как мы тут стоим и разъехаться не можем. Потешаются, советики дурацкие дают. Тут вдруг дверца кареты распахивается, и из нее девушка – прыг на землю, да так быстренько шаст в толпу.

– Девушка? – переспросил я, придавая голосу деланно суровые интонации.

– Девушка, – сокрушенно подтвердил де Батц.

Ах! Когда ветреные французы говорят «Ищите женщину», они прекрасно осознают, что искать долго не придется. Ибо не в природе жизнерадостного галльского характера делать что-либо долго и скрупулезно. А женщина во Франции находится всегда, даже если, паче чаяния, ее не ищут. Будь то Париж, с его столичным многолюдьем, или же мужская обитель в предгорьях Альп, уж какая-нибудь красотка да сыщется. Как же могло обойтись без женщины в этой истории!

– За девушкой погнались лакеи, ехавшие на запятках кареты.

– Оч-чень интересно!

– Правда?! – радуясь невесть чему, спросил меня Мано.

– Конечно. Посуди сам: молодая, красивая девушка в карете епископа... Она красивая?

– О да!

– Я почему-то так и подумал. Так вот, эта молодая и красивая девушка, пользуясь случайной остановкой, пытается сбежать и скрыться в толпе. Весьма занятная сцена!

– Вот и меня это насторожило. – Очевидно понимая, что из-за нелепости произошедшего у меня нет сил сердиться, значительно увереннее продолжил гасконец. – Я соскочил с козел, поймал этих наглецов за загривки, ну и приложил их лбами одного к другому. – Он вздохнул.

– Так. Это понятно, – хмыкнул я. – Надеюсь все же, они живы.

Мой друг был весьма силен, и ежедневные многолетние упражнения с эстоком придали его рукам крепость печатного пресса. Я очень явственно представлял себе незавидную участь преследователей юной очаровательницы. Вероятнее всего, они еще не скоро смогут, склоняясь в почтительном поклоне, открывать дверцу перед его преосвященством епископом Шатийонским...

Стоп. Епископ Шатийонский – Эд де Шатийон. Я с удивлением посмотрел на незадачливого возчика.

– Ты уверен, что карета принадлежала именно епископу?

– О да! – не понимая, чем вызван мой вопрос, подтвердил де Батц. – Я узнал его герб!

– Забавно. Если я не ошибаюсь, епископ – старший брат покойного адмирала Колиньи?

– Верно, мой капитан!

– Гм. Ладно, продолжай.

– Да что продолжать... – опечаленно махнул рукой лейтенант. – За каретой дюжина стражников скакала. Понаехали, ее схватили, мне пику к горлу приставили. А я ж вот... – Ма-но тоскливо указал на свои дешевые обноски, заменившие привычную кирасу. – Она только и успела прошептать, что зовут ее Конфьянс де Пейрак и везут ее к Паучихе. Просила передать это друзьям адмирала, ежели такие сыщутся.

– Ну конечно. – Услужливая память точно попугай поспешила вытащить нужный билетик из ящика старого шарманщика. – Конфьянс де Пейрак, дочь графа Раймона де Пейрака, падчерица Колиньи.

– Да? В самом деле?! – Мои слова произвели на гасконца весьма странное впечатление – так, будто я похвалил его за прекрасно проделанную работу. – Тогда мы тем более должны спасти ее! Ведь так?

Спасать кого бы то ни было в то время, как за наши собственные головы назначена награда, было чистейшим безумием. Спасать дочь адмирала Колиньи, пусть даже и приемную, из лап Черной Вдовы было безумием вдвойне. Но, черт возьми, ни один дворянин Гаскони и Наварры, ни один даже самый захудалый владделец старого меча и полудохлой клячи, гордо именующий себя шевалье, не стал бы под мои знамена, когда бы в такую минуту я сказал «нет». Да, это было безумием, но у нас в горах иные не выживают. А стало быть, это было вполне нормально. По-гасконски.

– Пожалуй, ты прав, – подтвердил я. – Но, Мано, как же все-таки наша повозка?

– А... это... – Мысли смельчака уже давным-давно покинули пропавшее транспортное средство и витали где-то у ног случайно встреченной красавицы. – Я заплатил су какому-то школяру, чтобы он присмотрел за ней, а сам бросился вслед карете. Мессир, я проследил ее до самого дворца Сен-Поль. Там ныне свила себе гнездо Паучиха. До той поры, пока не будет отстроен Лувр, Сен-Поль – королевская резиденция. Правда, новый король предпочитает проводить время в Малом Бурбонском отеле со своей ненаглядной принцессой Кондэ. – Он победно улыбнулся, должно быть, всецело поддерживая счастливых возлюбленных, столь успешно наставляющих рога незадачливому мужу.

Честно говоря, я тоже был рад за кузена Генриха Анжуйского, вернее, теперь уже почти полноправного короля Генриха III. Но тем не менее принц Кондэ был мне родственником, причем, в отличие от кузенов Валуа, весьма близким. А стало быть, вполне вероятно, что где-то какой-то граф, барон, да, черт возьми, любой простолюдин, потешается над моей собственной рогатостью.

Хороши вожди гугенотов – пара рогоносных принцев! Выходит, что Кондэ, как ни крути, мой собрат по несчастью и уж кому-кому, но не мне радоваться его неудачам. И хотя я готов был спорить на что угодно, что одним из первых эдиктов будущего монарха после коронации в Реймсе будет

признание незаконным брака Генриха Кондэ с собственной двоюродной сестрой Марией, пока что брак оставался браком, а мы – парой обманутых дураков.

– Мано! С тем, куда повезли девушку, все понятно. Теперь мы знаем, где находится прелестная Конфьянс де Пейрак. Но с нашей-то повозкой что случилось?!

Гасконец вновь посмотрел на меня взглядом набедокурившего щенка, так не вязавшимся с его обычно бесшабашно-самодовольной внешностью. Плечи его недоуменно поднялись, и руки разошлись в стороны.

– Когда я вернулся, не было уже ни повозки, ни этого проклятого школяра.

Ответ был ясен. Впрочем, ясен он был и без слов де Батца. Только очень наивный человек или же такой пылко влюбленный, как мой друг, мог предположить, что вещь, оставленная без присмотра вблизи любого из коллежей храма изящных искусств и высокой науки, может оставаться на месте дольше, чем понадобится, чтобы стащить ее. Тем более возок с парой мулов, бочкой и прочим содержимым – всего ливров на тридцать пять. Да еще на перекрестке оживленной улицы Сен-Жак, прямой стрелой тянущейся с одного берега на другой и соединяющей воедино все три части города: собственно Город, колыбель Парижа остров Ситэ и неунывающий Университет, живущий по своим законам, подсудный лишь ректору и королю и готовый в любую минуту вспыхнуть мятежом при одном лишь намеке на ущемление своих

прав и привилегий. С пересекающей Сен-Жак улицей Сорбонны тоже все было понятно. Будущие бакалавры и магистры, весь день спешащие по ней в поисках сокровищ истинного знания и пары денье на пропитание, должно быть, изрядно веселились, наблюдая ополоумевшего возницу, преследующего епископскую карету и бросившего ради этого свой экипаж на попечение их собрата школяра. Мудрено ли было ждать иного исхода?

– Так что, мессир? – произнес де Батц, переходя к волновавшей его теме и выводя меня из задумчивости. – Нынче мы штурмуем Сен-Поль?

Я почти с нежностью посмотрел на лейтенанта. Да, такой вопрос мог задать только истинный уроженец Беарна. В нашем распоряжении, считая и нас, было четырнадцать человек. Пусть бравых вояк, но всего четырнадцать. Замок же Сен-Поль, принадлежавший еще королю Карлу V, был, как и его царственный собрат, двадцатичетырехбашенный Лувр, настоящим городом в городе, крепостью, готовой выдерживать долгую осаду небольшой армии. Лишь совсем недавно мы сами благополучно удерживали в своих руках замок, немногим превосходящий этот по своей мощи. Нас были сотни. Противников – десятки тысяч. Теперь же защитников, вероятно, были все те же сотни, зато штурмующих...

– Сен-Поль просто так, с налета, не возьмешь, – задумчиво начал я, внутренне негодуя на себя за пагубную податливость. – Здесь все разведать надо.

– Мой капитан! – Де Батц гордо расправил плечи, воспринимая прозвучавшие слова как долгожданную команду. – С вашего позволения, я уже послал двух парней посмотреть, что там да как.

– Надо бы поосторожней, – проговорил я в пространство.

– О да, мессир! Вы правы. Я велел им не брать с собой шпаги и не ввязываться в стычки со стражей.

– Это ты правильно сделал. – В моем мозгу, помимо воли, очень ясно нарисовалась картинка такого вот разведывательного рейда. Больших забияк, чем Гасконские Пистольеры, в Париже еще надо было хорошенько поискать. А вынужденные в последние дни вести себя тише воды ниже травы, они, поди, уже изнывали от желания пустить в ход кулаки и шпаги.

Мано, похоже, был счастлив. Он вновь был занят любимым делом, и его вновь вел в бой обожаемый король, а впереди маячил приз, ради которого стоило лить кровь, конечно, преимущественно чужую, увенчиваться славой и вообще совершать великие подвиги подобно неистовым Роланду и Баярду. Но вопрос, который я задавал сегодня уже несколько раз, по-прежнему оставался открытым.

Повозки не было, а стало быть, весь наш план скорого прощания с Парижем висел на волоске. С тем же, что, благодаря нынешнему дорожному приключению моего друга, мы вновь намеревались напомнить королеве Екатерине о своем существовании – вопрос, каким образом нам придется спа-

сать свои шкуры, вовсе не был праздным.

– Ладно, Мано. Разведка – это хорошо, это правильно, но что мы будем делать с повозкой?

– Мессир. – Вновь потупился де Батц. – Когда я шел к вам, по дороге мне встретилась милашка Жозефина, ну и я поведал ей о своей беде... – Он на секунду запнулся. – Жози обещала помочь.

– Интересно, каким образом это ей удастся?

Вначале я хотел спросить, можно ли верить крутобедрой мадам, но, вовремя вспомнив, что все это время подруга моего лейтенанта была гостеприимной хозяйкой убежища двух беглецов, головы которых сулили ей безбедное существование на долгие годы, устыдился этого вопроса.

– Сир! – Голос де Батца звучал почти гордо. – Я познакомился с этой почтеннейшей женщиной вскоре после прибытия в Париж. Быть может, вы помните исчезновение любимца герцога де Гиза, виконта де Малеру?

Честно признаться, я не помнил вышеназванного любимца, но сомневаться в словах гасконца у меня не было никаких резонов.

– Так вот, – продолжал мой друг, – Малеру с двумя приятелями напали на меня неподалеку отсюда, на Пре-о-Клер. Я был вынужден обороняться. Тем более что двое моих товарищей были ранены... – Он замялся, очевидно, подыскивая слова.

– И что? – поторопил его я.

– Возможно, лишь Жозефина и я знаем, где похоронены эти наглецы. А ведь она видела меня до того лишь раз, м-м-м, незадолго до нападения. Если уж она берется помочь, я бы не стал сомневаться в ее словах.

Несомненно, Мано говорил правду. Но, должно быть, не всю правду. Впрочем, поединки между горячими головами всех сословий на Пре-о-Клер были не редкостью, и немалое число парижан, канувших в неизвестность, начинали путь туда именно с этого забытого Богом пустыря. Однако сказанное Мано невольно заставило меня по-иному взглянуть на мадам Жози. Эта женщина, несомненно, была подарком судьбы для нашей сумасшедшей компании.

В дверь негромко постучали.

– А, вот и она! – услышав тихий стук, вскинулся де Батц.

С тех пор как мой друг притащил своего раненого командира, Жозефина, то ли из чувства сострадания, то ли из почтения к бравому лейтенанту, уступила нам свою комнату. Когда же Манозель на радостях от того, что я пришел в себя, неосторожно выдал мой королевский титул, она и вовсе запретила любопытствующим подходить к заветной двери. Для тех же, кому словесные увещевания были недостаточны, радушная хозяйка находила пару увесистых доводов. Левый и правый. Вероятнее всего, за годы, проведенные в армейском обозе, Жози нередко приходилось их применять, а потому чаще всего подобная аргументация не вызывала последующих споров. Я сам был свидетелем сцены, когда одно-

го только «правого довода» хватило, для того чтобы напoвал убедить разбушевавшегося бакалавра изящных искусств. Минут десять бедолагу отливали водой.

– Прошу простить меня, капитан! – Дородная фигура хозяйки «Шишки» показалась в дверном проеме, заслоня его почти весь. Жозефина именoвала меня лишь таким вот образом, иногда, впрочем, называя «мсье», но никогда не употребляя ни королевского титула, ни обычного в таких случаях «сир». Быть может, сказывалась «военная привычка», а возможно, что таким образом она пыталась сгладить разделяющую нас сословную дистанцию.

«Рубенсовская красавица», – всплыло у меня в мозгу. Я невольно нахмурил брови. Я точно помнил, что вот такая вот статная румяная женщина с вполне ощутимыми прелестями именуется «рубенсовской красавицей», но, разрази меня гром, не мог вспомнить, кто же такой этот Рубенс! Вообще, память моя выдавала порою фортели абсолютно необъяснимые. Не так давно вечером, размышляя в который раз об убийстве несчастного короля Карла, я вознамерился вызвать перед внутренним взором вид Лувра со стороны его парадного фасада. И память услужливо подкинула мне требуемую картинку... Я был абсолютно уверен, что дворец, возникший в моем воображении, – Лувр, но, Сакр Дье, это был совершенно другой Лувр! А главное, на площади перед ним красовалась огромная пирамида из стекла, что было уж совсем ни на что не похоже.

Одному Богу было известно, что вытворяло мое сознание. На днях, кроме ставшего уже привычным дю Лиса, в мозгах вдруг прорезался еще чей-то голос, сообщивший, что Вагант¹⁴ вызывает Джокера-1 и что к нему ни в коем случае нельзя сейчас соваться, поскольку, во-первых, за его домом следят, а во-вторых, там сейчас полным-полно лишних глаз и ушей. Господь мне защита! Квартал Сорбонны был переполнен вагантами, но ни к одному из них я не намеревался наносить визитов...

И вот сейчас эта самая красавица невесть откуда взявшегося Рубенса!

– Капитан! – складывая в улыбке чуть пухловатые губы, начала милашка Жози. – Прошу простить, что прервала вашу беседу, но там пришел один мой добрый приятель. Он готов помочь Ману отыскать пропажу.

– Что еще за приятель? – В тоне лейтенанта послышалось что-то весьма похожее на ревность.

Лицо хозяйки приняло деланно сердитое выражение:

– Тебе что за дело? Сказано – приятель, значит, приятель! Никшни! Нешто ты мне муж? Да у меня, может, пол-Парижа приятелей! Тебе б радоваться, что я вообще вам помогать решила! Раззява! – Она стояла, уперев руки в боки, готовая обрушиться на Ману припасенный на всякий случай град попреков, явное свидетельство тому, что подобные грубые знаки внимания ей весьма приятны.

¹⁴ Вагант – общее название студентов в Средние века.

– Полно, – прервал я двух «голубков», усиленно прикидывающихся ястребами. – Так что там за приятель, Жозефина?

– Капитан, поверьте мне – женщине, немало повидавшей в своей жизни. – Она погладила свою крупную грудь. – Если вам надобно будет отыскать иголку в стогу сена или сухой камень на дне реки, то лучшего мастера, чем благочестивый брат Адриэн, в Париже вам не сыскать! Если вы вдруг пожелаете обратить шайку пьяных ландскнехтов в веру нечестивого Мегмеда, то и здесь вам не найти никого, кто мог бы это сделать вернее, чем он. Ну а ежели у вас есть монеты, с которыми вам не терпится расстаться, то вам следует лишь скоротать с ним вечерок, и все равно, будете ли вы играть в карты или в кости, слушать проповедь или состязаться, кто кого перепьет.

Мы с Мано переглянулись.

– Так что же ты заставляешь ждать столь достойного человека? – Де Батц удовлетворенно провел пальцами по стрелке своих усов. – Немедленно зови его сюда. Да будь добра, принеси из своего погребка вино, вроде того, каким ты потчевала меня в день нашего знакомства. Не беседовать же с благочестивым братом на сухую глотку? Это же просто непристойно!

– Вот это истинная правда! – Жозефина расплылась в улыбке и, заманчиво покачивая бедрами, поспешила отправиться выполнять заказ.

Из-за полуоткрытой двери до нас доносились слова залив-

ватской песни, выпеваемой внизу чьим-то хорошо поставленным голосом:

Дурак вилан пропьет свою рубаху,
Ему рога пройти мешают в дверь.
Когда женился, право, дал он маху —
Со школяром жена его теперь.

Ну а школяр — он набожный и кроткий,
За что и наградил его Иисус —
Ему верны парижские красотки,
И мне, ей-богу, нравится их вкус!

На какой-то миг песня смолкла. Вероятно, спустившаяся вниз по лестнице в зал Жози передала певцу наше приглашение, поскольку следующий куплет уже подхватил иной голос:

Ломбардец-жмот набьет сундук монетой,
Ему душа и тело — все товар.
Без покаянья сдохнет он за это —
Ни ливра не вернет ему школяр!

Ну а школяр — не вор и не мошенник,
Его избрал Господь для дел благих...
Ему нальют в таверне и без денег,
Да и накормят, Боже, помоги.

Сопровождаемый этим радостным возгласом, в нашу ка-

морку вошел невысокий, еще довольно молодой человек в черном одеянии бенедиктинца, с низко опущенным капюшоном на голове и длинными янтарными четками, в молитвенно сложенных руках.

– Мир вам, дети мои, – благочестиво поводя отменно хитрыми темными глазами, торжественно изрек служитель Всевышнего тем самым голосом, который пару минут назад поминал недобрым словом злополучную судьбу выпивохи-виллана. – Мадам Жозефина, – продолжил он, проверив, хорошо ли закрыта дверь, – оповестила меня о том горестном событии, которое послужило причиной многих печалей для вас, – он кивнул на де Батца, – дети мои.

– Святой отец. – Мано подвинул бенедиктинцу тяжелый, грубо сколоченный табурет на трех лапах-ножках. – Прошу вас, присаживайтесь. Жозефина рекомендовала вас как весьма почтенного человека, умеющего хранить чужие тайны. Надеюсь, это так?

– О да! Я храню их даже от тех, кому они принадлежат. Ибо недаром сказано в Писании: «В многознании много печалей. Умножающий знания – умножает скорбь». Что сие, как не высшая мудрость, дарованая нам Господом? Вот, положим, вы, дети мои. Мадам назвала вас возчиками. Пожалуйста, зовитесь, как вам нравится. Но скорее архиепископ Парижский – странствующий рыцарь, чем вы – подопечные Святого Фиакра. Даже и не заметь я пистолей, столь небрежно прикрытых брошенным на ложе плащом, я бы, вне всяко-

го сомнения, полагал, что езда поверх лошади вам куда более знакома, чем унылое следование за ее хвостом. Но, благослови вас Господь, повторю еще раз и еще сколько потребуется, раз вы желаете именоваться возчиками – отчего же нет! Это ваша тайна. И сам Карл Великий в прежние времена именовался «бедным пастырем овечьего стада», когда на то имелась причина.

Я невольно кинул взгляд на свою лежанку, где под плащом действительно на всякий случай была приготовлена пара пистолей. Брат Адриэн перехватил мой взгляд и едва заметно усмехнулся:

– Господин возчик! Конечно, если бы вы пришли ко мне в исповедальню с такими кнутами, я бы выгнал вас взашей из дома Божьего. Конечно, если бы смог. Здесь же вы вольны раскладывать орудия своего труда там, где вам вздумается. Итак, как говаривал честнейший адвокат Пьер Патлен,¹⁵ «вернемся к нашим баранам». Добрейшая госпожа Жози уже сказала вам, что я состою каноником в церкви Святого Бенедикта, что между улицей Сорбонны и Пла д'Этэн? Признаться, нынче днем я и сам был свидетелем того странного случая, произошедшего на этом перекрестке, жертвой которого вы, – он кивнул на де Батца, – стали. Давненько не встречал такой прыти у бедного возницы! А ваш бег! Вы вполне могли бы зарабатывать себе на жизнь, став королевским скороходом.

¹⁵ Патлен – герой французских фарсов, мошенник и пройдоха.

Неспешная, доброжелательная речь каноника лилась умиротворяюще, елебно, когда бы не слышалась в ней то и дело скрытая издевательская нотка. Де Батц сидел, пунцовая на глазах, уже и сам не радуясь, что затеял поиски.

– Но полноте. Я не считаю себя вправе спрашивать вас, чего ради бедному возчику вздумалось преследовать карету монсеньора епископа. Быть может, вы всегда мчитесь за епископскими каретами сломя голову. Сейчас вы просите меня об одолжении – я правильно вас понимаю? – перебил он сам себя, внимательно вглядываясь в своих визави.

Я молча кивнул.

– Так могу ли я, – торжественно продолжил брат Адриэн, – слуга Господний, отказывать в такой ничтожной милости возлюбленным чадам его, когда и сам он ежечасно дарует радость обретения искомого даже самым ничтожным из человецей?! Многие прихожане нашей церкви – добрые граждане, живущие поблизости. Не сомневайтесь, господа, – я отыщу вашу пропажу.

Дверь вновь отворилась. Жозефина, с парой бутылей и копченой грудинкой на подносе, присоединилась к пастве благочестивого бенедиктинца.

– О! «Премье крЮ ле Элено»! – радостно воскликнул слуга Господний, едва бросив косой взгляд на бутылки. – Прекрасное бургундское! Весьма рекомендую! Увы, сейчас я вынужден удалиться, ибо дела мои не терпят отлагательств, но, полагаю, завтра утром мы с вами вместе, в один голос, воз-

благодарим Господа за безмерную милость Его к чадам своим и воздадим лепту... — он чуть запнулся, — Матери нашей, Церкви, за ее посильную помощь. — Брат Адриэн смиренно склонил голову, блеснув из-под капюшона краешком аккуратно очерченной тонзуры. — До скорого свидания, почтеннейшие господа возчики. Да прибудет с вами Иисус!

Он направился к выходу, и из залы до нас снова донеслись слова озорной школярской песни:

Сеньор надутый город держит в страхе,
На короля косой бросает взор.
Ему отрубят голову на плахе,
Тогда школяр запишет: «Умер вор».

Ну а школяр, он не велик, не знатен —
Всевышний пожелал ему добра.
Кто будет крив в веках, кто будет статен,
Лишь он решает росчерком пера.

За короля, за Папу, за Сорбонну,
Что не подвластна светскому суду,
Мы сдвинем чаши пенные со звоном,
А кто не с нами — пусть горит в аду!

Шаги нашего гостя стихли, заглушенные радостными воплями школяров, возносящих свой вечно молодой гимн вольностям славного студенческого племени. Жозефина затворила ногою дверь и, поставив на стол принесенные яства, во-

просительно уставилась на своих загостившихся клиентов:

– Ну что, договорились?

– Из того потока благочестивой галиматьи, которую сей добрый брат на нас обрушил, я понял, что скорее да, чем нет, – поморщился я. – Честно говоря, не люблю святош.

– Вам бы не следовало касаться благочестия, мсье, – внешне хмурясь, надменно заявила хозяйка «Шишки». – Какая ни есть, но я все же добрая католичка, а брат Адриэн, хоть и плут, каких свет не видывал, но все же Божий человек!

Слушая эту пылкую тираду в защиту смиренного бенедиктинца, я едва сдерживал невольную улыбку, поражаясь кавардаку, царящему в голове милой Жози. Но более чем благочестие всех каноников Парижа вместе взятых, меня интересовало совсем другое. Невзирая на дурацкую потерю памяти, я все еще оставался главой партии гугенотов. Во всяком случае, так говорил об этом Манозель. И вдруг помощь монаха...

Однако не успел я и рта раскрыть, чтобы изложить свои опасения, как Мано, дотоле напряженно молчавший под звуки колких замечаний брата Адриэна, пробурчал недовольно:

– Похоже, он нас узнал. Как бы не донес. Я их пиявочью душу знаю. – Он угрюмо посмотрел на закрытую дверь за спиной своей подруги. – Может, того... догнать?

Я живо себе представил, чем бы могла закончиться для священника такая негаданная встреча. Мано был скор на расправу.

– Упаси тебя бог, – замахала на него руками Жозефина. – Что ты такое удумал! Скорее львы у Дворца правосудия затянут псалмы Давида, чем он предаст того, кому обещал помочь. Но если ты его хоть пальцем тронешь – оловянный день будет стоять дороже, чем твоя жизнь. А заодно с тобой и его. – Она ткнула в меня пальцем. – Да и моя тоже. Здесь, в Париже, всякий душегуб знает, что лишь брат Адриэн способен убедить палача не усердствовать на пытке. Лишь он может написать прошение в суд, чтобы вымолить у этих ржавых крючков помилование. Да мало ли чего! Если ты против него что недоброе удумал – забудь. На вон лучше выпей! – Мадам одним ловким движением откупорила бутылку и опрокинула ее в серебряный кубок, должно быть, военная добыча, прихваченная ею во время давних походов. – Вино действительно отменное!

В темную от времени чашу с бульканьем устремилась гранатово-алая струя благородного напитка, привезенного в столицу бургундскими виноделами.

– Да, вот еще что. – Хозяйка наполнила второй кубок и поставила полупустой сосуд на столешницу. – Мано, там внизу два твоих истукана приперлись. Выйди узнай, чего им нужно.

Де Батц ликующе поглядел на меня, явно забывая и о язвительном монахе, и о похищенной повозке, и вообще о чем бы то ни было, кроме очаровательной узницы замка Сен-Поль.

– Мой капитан, я жду приказа!

Глава 6

*Стрельба в цель упражняет руку и причиняет
верность глазу.*

Козьма Прутков

Я стоял у открытого окошка своей комнаты, вдыхая чуть колеблющийся от жары вечерний воздух, и глядел вниз, на выющую змеей Сену, катящую свои волны вдаль, к океану. Бордель мадам Жози располагался почти на самой вершине холма, среди множества других подобных домов, построенных по одному Господу ведомому плану. Отсюда открывался прекрасный вид на круглые башни Сорбонны, на колокольни аббатств Святой Женеьевы и Святого Бернарда. Чуть в стороне, невидимые отсюда, красовались руины древних терм Юлиана-отступника, тяжеловесного романского стиля, но с весьма изящными сводчатыми арками – должно быть, дань влиянию Востока. А рядом с ними преждевременно обветшавшая резиденция аббатства Клюни как яркое свидетельство отмирания идеи Крестовых походов. И все это изрезано сотнями и сотнями улиц, улочек, переулков, тупиков, проходов, а то и просто проломов в стенах каменных изгородей, позволяющих скрытно перебраться из одного уголка Парижа в другой.

Уже вечерело. Городская стража, должно быть, заперла

ворота и перегородила массивными цепями парижские улицы. Кое-где виднелись движущиеся огоньки факелов ночного патруля. Насколько я мог помнить, это не слишком мешало разбойникам различных мастей заниматься своим кровавым промыслом. Выросшие среди здешних катакомб и каменных лабиринтов, клошары прекрасно знали пути в обход застав. Однако же честным людям вроде нас пройти ночью по улицам Парижа так, чтобы не столкнуться с десятком-другим полупьяных усачей с алебардами и аркебузами, было никак невозможно. Тем не менее нам сегодня требовалось именно это.

Как сообщила разведка, посланная Мано к замку Сен-Поль, девушка действительно была там. Во всяком случае, там находилось место временного бивуака «Летучего эскадрона» мадам Екатерины. А куда, спрашивается, еще мог везти епископ Шатийонский красавицу, поразившую воображение моего отважного друга? Не в аббатство же Сен-Мор, располагавшееся все в том же замке! Ну и, понятное дело, не в гости к парижскому Прево, также обитавшему в Сен-Поле. Стало быть, искать приемную дочь адмирала Колиньи надо было в одном из множества особняков, составляющих нынешнюю королевскую резиденцию. В каком именно? Бог весть! Это остается уточнить на месте. Хотя до места еще тоже надо добраться. Я повернулся к ждущему моих распоряжений лейтенанту:

– Де Батц! Нам нужен баркас.

Слова эти были произнесены тем тоном, каким обычно говорится: «Нам необходимо остановиться, чтобы пропустить по стаканчику вина».

– Слушаюсь, мой капитан! – отчеканил гасконец.

– В нем должны быть сети, весла, мачты. В общем, все, что подобает для того, чтобы создать видимость ночного лова и по возможности припрятать оружие.

– Будет сделано, сир!

– Хорошо бы, чтоб хозяин баркаса был на нашей стороне. Ну и, понятное дело, чтобы это был надежный человек. Иначе нам придется оставлять одного из бойцов для охраны лодки, а сейчас каждый клинок на счету.

– Разумная предосторожность, мой капитан. Я спрошу Жози. Не может быть, чтобы у нее не сыскался такой вот приятель.

– Хорошо. Ну и, понятное дело, передай людям, чтобы они были готовы к бою, – завершил я свои указания.

– Они всегда готовы к бою, сир! – гордо выпалил brave пистольер.

Я невольно улыбнулся. Слова моего друга если и не были абсолютной правдой, то уж, во всяком случае, были недалеко от истины. Гасконец, а особенно гасконец в Париже, являл собою существо, в любую секунду готовое отстаивать собственное, пусть даже мнимое, величие любыми возможными средствами. И хотя дома он вполне довольствовался полуразрушенной хибарой, традиционно именуемой зам-

ком, — здесь он никак не мог смириться с тем, что почести, оказываемые его безденежной милости, в чем-то уступают тем, которые оказываются пэрам Франции и принцам крови.

— Сегодня они должны действовать строго по моему приказу, иначе охрана замка раздавит нас и не заметит.

— Вы шутите, мессир? — с надеждой в голосе спросил де Батц. — Не может быть, чтобы нас не заметили!

— Это уж точно. Но все же предупреди людей.

— Слушаюсь. — Мано повернулся и вышел из комнаты, а я остался стоять у окна, разглядывая коньки кровель и острые шпили церквей темнеющего на глазах Парижа.

Отчего-то мне он представлялся значительно более светлым.

Угрюмый, рассеченный диск луны, цепочки факелов ночной стражи да огни на башнях выхваченной из темени громады Бастилии — вот все, что противостояло в этот час надвигающейся тьме. Маловато. Я закрыл глаза, представляя Париж, точно залитый немигающим заревом миллионов лампад и свечей. На каждой улице, в каждом окне, на берегах реки, на мостах, везде...

Впрочем, темнота нам на руку. И шанс дойти куда как выше, и там, на месте... Я еще раз представил особняк Сен-Поль и невольно скривился, словно по ошибке откусил прованский лимон. Войти, найти, уйти, скрыться и, в конце концов, выбраться из столицы, будь она неладна! Каждая задача почти неразрешима. Выполнить же все их одновременно и

вовсе не возможно!

Я стоял, вдыхая ночной воздух, разглядывая панораму спящего города, и все мое естество бунтовало против того безумия, которое я намеревался вот-вот затеять. Вернее, уже затеял. Мано с минуты на минуту радостно, как обычно, доложит, что баркас готов и вообще все готово и гасконцы, как обычно, с нетерпением ожидают приказа.

Разум, с усердием прилежного школяра зубрящего латынь, повторял, что ради безнадежного дела я веду на смерть ни в чем не повинных людей. Что, если, не дай бог, кто-то проведает о том, что мы пустились в почти откровенный разбой – на чести Бурбонов появится пятно величиной с Аквитанское море. Что, в конце концов, я – король и мой первейший долг думать о своих подданных, о своей державе... Все это, несомненно, было правдой... Но мои гасконцы были готовы к бою. Как всегда, готовы к бою и ждали моего приказа. И я был обязан вести их! Ибо там, на другом берегу реки, в неприступном замке Сен-Поль, томилаcь Прекрасная Дама, отрада души вернейшего из моих паладинов, дочь моего соратника и жертва предательских интриг Злой Колдуньи.

Король, способный в такой момент дать приказ отступить, возможно, и может быть правителем низкой черни и скаредных буржуа, но верности дворянства он недостоин.

Мне вспомнился недавний турнир. Собравшиеся со всех концов Франции лучники пускали стрелы в цель. На ста шагах каждый из них должен был пронзить одним выстрелом

три раскачивающихся на веревках кольца и попасть в древко копья, врытого в землю за ними. Дело считалось невозможным, пока, почти не целясь, не поразил цель граф Дюнуа, Орлеанский бастард. Я нервно передернулся: «Какой Орлеанский бастард! Почудится же такая ерунда! Он мертв добрых полторы сотни лет! Опять это наваждение!»

* * *

— Вас что-то тревожит, мой капитан? — донеслось из-за моей спины. Должно быть, задумавшись, я не слышал стука в дверь. Ибо де Батц, а это был именно он, не входил без предупреждающего стука в королевскую опочивальню, невзирая на то что и сам квартировал здесь же.

— Н-нет. — Я повернулся к боевому товарищу, волевым усилием стараясь вернуть себе ясность мысли. — Просто ночь будет прохладной. И сырой. Должно быть, к утру пойдет дождь.

— Вы правы, сир, — кивнул Мано. — На небе собираются тучи. Но я пришел доложить, что Жозефина договорилась с одним из своих дружков. Баркас у нас есть.

— Прекрасно! Значит, ближе к утру выступаем.

Под утро действительно начал накрапывать дождь. Я с немалым удовольствием слушал приглушенный стук капель по иссушенной летней жарой листве. Сентябрь брал свое, на краткий миг оживляя опаленную солнцем зелень, чтобы, на-

тешившись с ней, отдать в руки немилосердному октябрю.

Мне всегда нравилась эта погода. Сейчас – более чем когда бы то ни было. Тихий, мерный шум дождя глушил шаги, смывал следы, навевал сладкие сны страже и, что в нашем случае было весьма важно, тушил фитили аркебузирам. Мне надо было благодарить Бога за любовь Валуа к празднествам и украшениям. Приди в прилизанную, благоухающую фиалкой голову моего кузена Генриха Анжуйского мысль обойтись без золотой цепи в полторы тысячи ливров, без жемчужных серег в ушах, от которых мочки вытягивались вниз под тяжестью камней и оправы, и других тому подобных безделушек, глядишь, оружие у гвардии было бы получше, чем у ополченцев цеховой стражи. Но нет!

Я не разделял страсть Валуа ко всему яркому и блестящему, но зато всегда любил хорошее оружие. У моих людей были пистолы с колесцовыми замками. И на погоду им было наплевать!

Как и уверял Мано, его подружка прекрасно сделала свое дело. Когда мы, двигаясь со всеми предосторожностями, добрались до пирса, хозяин лодки уже ждал нас, прячась от сырости под ветвями могучего дуба, должно быть, помнящего еще указ Людовика Святого, повелевающий выселить всех девиц легкого поведения за черту старых городских стен.

А вот запрет на плаванье ночной порой он, вероятно, еще не застал. Это было еще в годы норманнского нашествия, в годы спасения Парижа святой Женевьевой. Впрочем, не со-

блюдался этот запрет с тех же самых пор. Разве может что-нибудь заставить рыбака не забрасывать сети на рассвете, когда самый клев?

Увидев нас, рыбак показался из темноты, поглубже надвигая на голову широкополую войлочную шляпу с высокой тульей и поправляя тяжелый плащ из грубой материи, даже название которой было мне неизвестно. Дойдя до нас, он кивнул и высунул из-под плаща раскрытую ладонь, ожидая обещанную мзду.

Точно так же молча де Батц сунул ему в руку тощий, словно вяленая треска, кошель с остатком нашей наличности. Флегматичный лодочник подкинул мешочек, прислушиваясь к звуку, затем развязал его, посмотрел содержимое, осторожно, двумя пальцами извлек одну из монет, покрутил перед глазами и, удовлетворенно хмыкнув, спрятал полученный гонорар за широкий кожаный пояс.

– Досмотрщику пирса, – покончив с этой операцией, наконец, изрек он и, подкинув в ладони потертый су, зашагал в темноту.

Вернулся он довольно быстро. Мы едва-едва начали подумывать, не оказался ли почтенный лодочник мошенником, позарившимся на наш истощенный событиями последних дней кошелёк, или, того хуже, предателем, намеревающимся передать разыскиваемых беглецов в руки городской стражи, когда вновь услышали его торопливые шаги. Увы, недоверие – бич беглеца, и вечное опасение – удел его.

– Порядок, – все так же кратко даже не сказал, пробормотал наш шкипер и дал знак следовать за ним.

У оконечности пирса, едва не касаясь плещущихся волн, лежал толстый дубовый ствол, многократно перевитый широкими соломенными жгутами. Кое-где жгуты были изодраны, местами размокли и набухли от воды, точь-в-точь как мешки под глазами выпивохи. Но, судя по всему, меняли их здесь довольно часто, чтобы лодки, причаливая или же попросту болтаясь здесь на привязи, не расшибли себе борта о пирс.

Между жгутами в древесине красовались железные кольца, на которых узниками на цепи были прикованы лодки, баркасы, баркеты,¹⁶ шаланы¹⁷ и даже пара нормандских фламбаров,¹⁸ должно быть, привезших в Париж свежую морскую рыбу.

Подойдя к бревну, рыбарь наклонился и, ухватившись за массивное кольцо, начал с некоторым усилием вращать его вправо-влево. Наконец оно поддалось, тогда удовлетворенный проделанной работой хозяин баркаса потянул цепь на себя, притягивая крохотное суденышко поближе к берегу и давая возможность пистольерам взобраться на борт. Окончив погрузку, он вытащил из-за пояса заранее припасенный

¹⁶ Баркет – маленькое парусно-гребное судно, служившее для плавания в акватории порта.

¹⁷ Шалана – рыбацкое суденышко 7—10 м, одна мачта.

¹⁸ Фламбарт – небольшое морское рыбацкое судно.

сучок и вставил его в дырку от извлеченного кольца и, осмотрев получившееся, с осознанием важности исполненного ритуала прыгнул в баркас.

– Шестеро – на весла, остальные – прячьтесь. – Эта фраза, самая длинная из произнесенных им нынешней ночью, знаменовала начало плавания. Наш «Арго» качнулся, точно кланяясь на прощанье земной тверди, и весла тихо вошли в воду.

Я скрылся от дождя и лишних глаз под низким плетеным навесом, своего рода большущей корзиной, получая максимально возможный в данных условиях комфорт и возможность обозревать едва видимые за сырою пеленой дождя окрестности.

В незапамятные времена, как только сумерки сгущались над Парижем, аккуратно после вечерни, множество цепей перегораживали Сену от берега к берегу, и неусыпные сторожа ходили, проверяя каждый час, заперта ли заветная цепь, пришвартованы ли гребные и парусные суденышки, как гласит о том королевский указ.

Со временем «за ветхостью» большинство цепей было снято. Остались лишь две, запирающие речной вход и выход из города. И хотя, соблюдая раз и навсегда заведенный маршрут, стражники по-прежнему иногда проходили по пирсам, тянувшимся за малым исключением вдоль всего берега Сены, их вовсе не занимало, что в столь поздний час то здесь, то там виднеется лодка нарушителя августейшей воли.

Однако ритуал есть ритуал. Сучок, скрывающий место швартовки баркаса, был его неотъемлемой частью.

Легкое суденышко неспешно двигалось вперед, то ныряя под сводчатые арки мостов, то обходя далеко выдающиеся в воду торговые пристани. Шкипер негромко, но заученно четко давал счет, командуя нашей, в сущности, неумелой командой, при каждой возможности чуть слышно ругаясь себе под нос. За бортом, по берегам реки, мелькали спящие твердыни парижской крепости, ошестинившийся шпилями, точно дикобраз, многопушечный Турнель, Нельский отель, хранящий память о страстных принцессах вместе с любовниками, с детским восторгом наблюдающих ненасытное пламя костров, пожирающее гордого старца де Мале и его братьев тамплиеров. Проклятию великого магистра суждено было сбыться, и, как поговаривали суеверные злословы, по сей день тяжкий груз его предсмертных слов лежал на судьбе королевского дома.

Проплыл мимо и остался за бортом каменный корабль Ситэ, привязанный к берегам мостами, запертыми на ночь замками Пти-Шатле и Гран-Шатле. Мелькнул, вырвавшись из тени королевских садов, насаженных на западной оконечности Ситэ, островок Коровьего перевоза. С него вяло окликнули шкипера стражи Гревского порта, но, должно быть, услышав знакомый голос в ответ, утратили всякий интерес к баркасу. Вот и порт, вернее, порты – винный, зерновой, угольный – остались позади. Пожалуй, здесь да еще

в Сен-Поле в этот час имелось столько стражи. От самого берега, от всех этих многочисленных понтонов до Гревской площади тянулись бесчисленные дворы, к радости и достатку хозяев превращенные в склады. Даже колоннада ратуши была заставлена бочками виноторговцев... Дальше, за небольшой, давно уже ставшей бесполезной, крепостью времен Карла V – Барбо, потянулись стены монастыря целестинцев и, наконец, фруктовые сады, подступающие вплотную к Сен-Полю.

Вот замаячили впереди величественные особняки Жуи и Санс, точно верные телохранители, стерегущие покой королевской резиденции, и чуждые их королевскому величию несколько чудом зацепившихся за береговую кромку лачуг перед ними. Туда сейчас и лежал наш путь. Еще несколько минут – и вся моя крошечная армия была на берегу. Теперь осталось лишь понадежнее замаскировать «флот» и начинать «победоносное наступление». Дай бог, чтобы противник подольше его не замечал!

Когда бы Жуи и Санс могли сдвинуться с места, чтобы закрыть собой замок, над которым нависла угроза гасконского нашествия, возможно, они бы не преминули это сделать, но судьба им была стоять неподвижно, безучастно наблюдая за походом невиданного войска. Зубчатая стена Сен-Поля, возвышаясь над рощицами раскидистых деревьев королевского сада, тянулась на полтора с лишним лье – загадочным многоугольником, казалось, лишенным какой-либо четкой обо-

ронительной системы. Так, словно фортификатор, возводивший замок, в задумчивости исчеркал пергамент соединенными между собой линиями, а его подручные взяли да и приняли плод задумчивости мастера за руководство к действию. Но как бы то ни было, в прежние времена здесь хватало места для двух десятков принцев с их дворами для многочисленной челяди и дюжины львов, проживающих в специальном Львином Дворце.

Сейчас замок спал. Как обычно, главный мажордом, проверив, зажжены ли факелы во всех залах, переходах, углах дворца и на ступенях замка, в присутствии главного камергера, прево Парижа, прево замка и иных вельмож, вместе с пожеланием спокойного сна, передал Его Величеству ключи от ворот дворца, тем самым гарантируя его обитателей от внезапного вторжения. Ключи ночуют под подушкой, но для начальника дворцовой стражи, обходящего со своими людьми округу и строго надзирающему, чтобы никакой шум и беспорядок не тревожил высокородную публику, обитающую в Сен-Поле, в воротах существует калитка. Для нас она тоже вполне подходила.

Тяжелая дверка задрожала под ударами. Должно быть, стук в неурочное время отвлек стражника от любимого занятия. Ждать пришлось довольно долго, но вот в зарешеченном окошке показалась недовольная физиономия с нахмуренными бровями над недобрыми глазами.

– Ну, чего надо?! – рявкнул служака.

– Болван! Ты что, не видишь, кто перед тобой?! – в тон ему прорычал я, откидывая капюшон плаща.

Лицо за решеткой сместилось чуть в сторону, уступая место фонарю с тремя свечными огарками внутри.

– О Мадонна! – с итальянским акцентом выдохнул привратник. – Клянусь мощами Господними! Наваррец!!!

В каждом глазу хранителя входа и выхода блеснуло по двадцать пять тысяч ливров, и звон монет произнесенной в уме суммы вознаграждения заглушил в голове солдата и слова приказа, и вялые доводы рассудка. Недаром же слово «солдат» происходит от наименования монеты – сольдо. Он уже видел меня за решеткой! Оставалось лишь протянуть руку!

– Передай своему командиру, что таким недоношенным ублюдкам козы и лангуста, как вы, никогда не поймать меня! – Надменно произнеся заготовленный монолог, я прицельно плюнул в лицо стражника и, развернувшись, зашагал прочь от калитки.

Наверняка, будь на месте этого стражника швейцарец, он бы, флегматично выругавшись и стерев с лица плевок, побрел докладывать своему командиру о случившемся, оставив незадачливым заговорщикам измышлять иные способы проникновения в замок. А вслед за этим швейцарцы вышли бы немалым числом и прочесали весь сад вдоль и поперек, чтобы найти злого обидчика. И, вероятнее всего, нашли бы. Однако после истории с Лувром спрос на услуги этих

неспешных, но по-медвежьи упорных вояк заметно упал. Теперь, как всегда, подозрительная Черная Вдова поручила охрану замка своему троюродному брату, известному тосканскому кондотьеру Джиованни Сальвиати, потомку богатого банкирского дома, ставшему в «гостеприимной» Франции маркизом д'Аржи и генерал-лейтенантом королевской пехоты. Сформированный им из пьемонтцев, савояров и католиков Прованса легион,¹⁹ быть может, и отличался особой верностью королеве Екатерине, но для нас эти наследники славы Цезарей были ценны совсем другим. Они так же вспыхивали в ответ на оскорбления, как и гасконцы, и так же отличались от остальных чернотой волос и смуглостью кожи, как и мои гвардейцы. Когда наши разведчики, вернувшись, принесли мне эту радостную весть, я счел ее весьма добрым предзнаменованием. И, судя по лязгу отодвигаемых за моей спиной засовов, не ошибся.

Королям не подобает бегать, но никто не может помешать им быстро ходить. Очень быстро. Еще быстрее! Позади меня послышался звон сотрясающегося железа. Легионеры маркиза д'Аржи прыжками неслись вслед за уходящим вдаль монархом, мысленно, должно быть, уже деля на троих сумму причитающегося за мою голову вознаграждения. Еще один их сотоварищ, продолжавший оставаться на боевом посту, чуть замешкался у открытой калитки, созерцая погоню, и...

¹⁹ Легион – в эпоху Возрождения воинское формирование, включающее в себя собственную кавалерию, артиллерию и пехоту.

вероятно, именно эту картину увидел в его глазах святой Петр, открывая раннему гостю ворота. Клинок де Батца вонзился ему в горло, рассекая аорту и лишая несчастного возможности поднять тревогу.

Все это время Мано и еще трое гасконцев стояли, прижавшись к стене у самой калитки, ожидая, когда алчность и негодование заставят горе-стражников оставить свой пост. Теперь вход в крепость был в наших руках, остальное зависело от быстроты и слаженности действий.

«В сад! Все в сад!» – пробормотал я, скрываясь между деревьями. Преследователи устремились за мной. Как и было задумано. Военная судьба всегда норовит подставить ножку тем, кто видит в очевидном лишь очевидное. Девять шпаг стальным кольцом сомкнулись вокруг легионеров, обещая жизнь в обмен на молчание. Приемлемое условие. Особенно для тех, кто получает гонорар за свою службу.

Через пять минут раздетые и связанные итальянцы были доставлены для допроса.

– Сколько солдат в замке? – негромко спросил я так, словно действительно намеревался штурмовать Сен-Поль своей крошечной армией.

– Триста пятьдесят в стенах, – люто глядя на меня, ответил мой давешний собеседник. – Столько же в округе. Вам не уйти!

– Увидим, – пожал плечами я. – Где апартаменты короля?

– В самом дворце Сен-Поль, – резво отозвался пленник.

Судя по тону, он был бы весьма рад, если бы мы сунулись туда. Должно быть, в бесчисленных подсобных мезонинах дворца квартировали собратья говоруна.

— Где находится королева?

— В особняке Пти-Мюс. — Тон ответчика опять угас.

— Отлично. Это все, что я хотел от тебя услышать. Если ты хоть слово солгал, вы втроем умрете страшной смертью. Заткнуть им рты, — скомандовал я, поворачиваясь к ждущим приказа пистольерам. — И привяжите к ветвям. Повыше. Прощайте, сеньоры, и молитесь за нас. Ибо, если мы не вернемся, до октября вас вряд ли найдут.

Мано уже ждал в караулке. Еще несколько пленных, надежно связанных и явно обескураженных подобным поворотом дел, недоуменно мигали, сваленные точно поленья в дальнем углу комнаты. Плащи легионеров, их алебарды и морионы уже были аккуратно разложены на полу. Де Батц знал свое дело. Еще мгновение — и банда мятежников, разыскиваемых во всех уголках Франции, превратилась в заурядный ночной патруль замка Сен-Поль.

Десять человек, соблюдая строй колонны, двигались по территории замка. Неспешно, заглядывая для очистки совести во все темные углы двора. Алебарды привычно лежали на их плечах. Восемь алебардиров и офицер. Из Львиного Дворца слышалось сдавленное рычание плененных царей животных. Из Сен-Поля то и дело доносилось тьяканье собак, собачек и собачулек Генриха Валуа, имеющих прав

здесь едва ли не на самую малость меньше, чем сам король. Предвещая недоброе, ухали совы в полуразрушенной башне особняка Этамп, а ночной патруль шел себе, равнодушно измеря шагами расстояние от занятой Гасконскими Пистольерами караулки до дворца Пти-Мюс, где в заботах о королевстве обреталась сама Черная Вдова и, вероятнее всего, красавицы «Летучего эскадрона». Так было в Лувре, в Шенонсо. Вероятно, и здесь радетельница за чистоту христианских нравов не оставила обольстительниц без своего присмотра.

Девять «легионеров» все ближе и ближе подходили к особняку Пти-Мюс, окруженному по периметру крыши изящной каменной балюстрадой, за которой так удобно размещать стрелков. Еще трое двигались сзади и чуть с боков, прикрывая «армию» от внезапного столкновения с противником. Шаг. Еще шаг...

– Стой! Кто идет?! Отзовись! Пароль?! – раздалось с высокого крыльца.

– Мантуя! – крикнул в ответ де Батц.

– Милан! – прокричал со своего поста в ответ скрытый виноградным навесом стражник.

Еще десять шагов, и мы поравнялись с крыльцом.

– Стойте! – вновь подал голос стражник. – Вам нельзя сюда подниматься!

Он был прав. Приближаться к постовому имел право лишь начальник караула да сам король. Конечно, Франции, а не Наварры. Однако нам необходимо было войти!

– Успокойся! – переходя на пьемонтский диалект итальянского языка, крикнул я, сам удивляясь произошедшему. Никогда прежде не думал, что говорю по-итальянски. – Д’Аржи приказал усилить караул! Есть сведения, что ожидается нападение наваррцев, – выдал я первую пришедшую мне в голову версию и, сделав Мано знак следовать за мной, а остальным оставаться на местах, начал восхождение.

Стражник выступил из тени, поднимая перед собой руку с фонарем, чтобы лучше разглядеть приближающихся «соратников». Он что-то хотел спросить, но вдруг дернулся, точно от удара бичом, и подался назад, пытаясь закрыться светильней. Поздно! Одним прыжком преодолев несколько ступенек, де Батц уже был в шаге от него, занося для удара руку с кинжалом.

– М-да, – тихо промолвил я, глядя на очередного мертвеца, преграждающего путь моему лейтенанту к покоям его Прекрасной Дамы. – Его можно было оглушить.

– Так вернее, – без тени сомнения в голосе ответил мне боевой товарищ, усаживая тело легионера среди виноградных лоз и придавая ему «спящий» вид. – Вперед!

– И все же, Мано, постарайся сегодня больше никого не убивать.

Лейтенант посмотрел на меня с плохо скрытым недоумением и, пожав плечами, открыл дверь:

– Прошу вас, сир!

Пти-Мюс куда как меньше Лувра, и все же искать комна-

ты, отведенные одной из девушек «Летучего эскадрона», не зная доподлинно, где они находятся, – задача не из легких. А уж так, как мы, за считанные минуты, и подавно. Прелестница, конечно, не принц крови, и одиннадцати покоев со службами ей не положено, но две-три, а то и четыре – пожалуй-ста. Пойди сыщи!

– Надо у кого-нибудь спросить, – высматривая комнаты пороскошней, резонно заметил я. – Иначе придется перевооружить весь третий этаж.

– У кого, мой капитан?

– У того, кто может знать. Скажем, вот этого.

На дверце, указанной мной, красовалась надпись мелом «pour monsenier de Boshage». Такое вот «pour» стоило весьма дорого. Его расторопные пажи малевали по команде главного мажордома, распределявшего покои для вельмож. Это невзрачное словечко обладало воистину магическим свойством. Оно равняло счастливого обладателя его с принцами крови, кардиналами и иностранными князьями. Словом, мсье де Бушаж, обитавший за благодетельствованной вожделенной надписью дверью, был немалой фигурой при дворе вдовствующей королевы и вполне мог знать ответ на интересовавший нас вопрос.

– Ай!!! Что вы себе позволяете!! Я де Бушаж, главный гардеробмейстер Ее Величества! – вскричал оскорбленный в своих лучших чувствах вельможа, согласившийся проснуть-

ся лишь после того, как Мано наотмашь огрел его плашмя клинком по вырисовывающимся под стеганым шелковым одеялом ягодицам. – Подите прочь! Я позову стражу!

– Говорите тише, – жестко перебил его я. – Не мешайте людям спать. Если вдруг вы меня не узнали, я – Генрих Бурбон, король Наварры. Я ищу девушку. Ее имя Конфьянс де Пейрак. Надеюсь, вы поможете нам ее найти. Если нет, если вдруг вы не знаете, о ком я говорю, или вам неизвестно, где она находится... Мне придется извиниться перед вами за нарушенный сон. Но вот господин де Батц – он не оставляет после себя живых свидетелей. Тогда ваш сон уже ничто не нарушит.

– Что вы, что вы, – пролепетал царедворец. – Я знаю, конечно, знаю.

– Вот и славно. Полагаю, вам не составит труда провести нас в ее покои. Только, мсье, бога ради, накиньте что-нибудь на себя. Иначе вы навсегда отобьете у юной девушки интерес к мужскому полу.

Глава 7

Грехи, совершаемые ради нас, не могут быть тяжкими.

Лешек Кумор

Дрожь господина де Бушажа, суматошно пытающегося попасть руками в парчовый шлафрок, немало удивила моего друга, не привыкшего к такому проявлению человеческих эмоций.

– Чего это он? – недоуменно пробормотал де Батц, глядя на вибрирующего придворного.

– Не привык еще, – пояснил я. – Вот если ты к нему так каждую ночь приходить будешь – тогда другое дело!

– Пожалуйста! Пусть пропуск выпишет.

– Побыстрее, мсье, – заторопил я начальника королевских платьев и генерала подвязок Ее Величества. Если мы не заберем госпожу де Пейрак в ближайшие минуты, то вернемся к вам завтра. А если надо будет – то и послезавтра.

Конечно, мои слова были чистейшей воды гасконским бахвальством. Прямо говоря, даже наш выход из дворца все еще был под большим вопросом. Но откуда было знать об этом главному распорядителю траурных накидок Черной Вдовы. Он-то, поди, представлял, что Сен-Поль постигла судьба Лувра и двор полон невесть откуда взявшихся гас-

концев, гугенотов, ландскнехтов и чудом оживших норманн герцога Ролло.

– Быстрее! Быстрее! – торопил его я.

Послушный царедворец, на ходу подпоясываясь кушаком с тяжелыми кистями, засеменял вперед, мимо замерших в ужасе пажей и лакеев, ночевавшие, по обычаю, в его апартаментах.

Ждавшие у дверей его покоев пистольеры подтвердили худшие опасения нашего проводника. Сен-Поль был захвачен!

– Вперед, господин гардеробмейстер. И постарайтесь не шуметь! Коридор, лестница, еще коридор, поворот.

– Что вы здесь делаете, сеньор? – Итальянский акцент вопроса не оставлял сомнений в профессиональной принадлежности вопрошающего.

Вряд ли герцог Гонзаго, принц Гонди, маркиз д'Аржи, или еще кто из родственников королевы скрашивал часы бессонницы прогулкой по коридорам особняка Пти-Мюс.

– Показывает мне достопримечательности Сен-Поля, – появляясь из-за поворота и отбрасывая де Бушажа в угол, проговорил я.

Пять стражников во главе с сержантом, в соответствии с заведенным порядком обходившие залы и коридоры резиденции, опешили от такой наглости, давая мне время выхватить из-под плаща пистол. Еще через секунду с двумя из них было покончено. Со скрытностью нашего нападения то-

же.

– Тревога! – заорал один из стражников, пускаясь во всю прыть вдаль по коридору. Оставшиеся трое его товарищей, ошестинившись алебардами, начали, по-рачьи пятясь, отступать, прикрывая своего громогласного гонца. Пуля де Батца догнала его, прервав крик на полуслове. Но и без воплей все уже было ясно. Алебардиры, держа строй, отступали, низко опустив увенчанные шлемами головы, чтобы уменьшить поражаемую поверхность. С минуты на минуту к ним должна была подойти взбудораженная нашими выстрелами подмога. Тогда все будет кончено, едва начавшись. Легионеры отходили в полном порядке, преграждая нам путь к вожаемой цели, и никакого иного способа пройти мимо них, кроме очередных метких выстрелов, не было. Три опытных бойца с алебардами могут долго удерживать такой вот коридор против превосходящих сил противника. Залп пистольеров лишил их этой возможности.

– Мано! – крикнул я. – Хватай де Бушажа и бегом за де-вушкой! А мы тут позаботимся об отходе.

Побледневший вельможа с перекошенным от ужаса лицом сидел, вжавшись в угол, похоже, всерьез решив лишиться чувств. Но утробный рык и пара увесистых оплеух де Батца напрочь лишили господина гардеробмейстера этой завидной возможности.

– Бегом! – ревел Мано, рывком поднимая полуобморочного хранителя панталон королевы-матери и пинком направ-

ляя его вперед.

– Перезарядить пистолеты! – командовал я. – Тащите сюда мебель, устраивайте завалы посреди коридора, высаживайте рамы! Мано! Я жду тебя на крыше!

Теперь вся надежда была на арьергард – ту часть нашего отряда, которая была оставлена прикрывать тыл на случай такой вот «неприятности». Царедворцы – особая порода людей: проявляющие чудеса отваги на глазах у государя, они отнюдь не блещут ею во всех остальных случаях. Так было в Лувре, так было и здесь. Я был более чем уверен, что за многими дверьми сейчас притаились молодые крепкие дворяне со шпагами в руках, причем вполне недурственно управляющиеся с этим прелестным элементом своего костюма. Я видел, как приоткрылись несколько выходящих в коридор дверей, но, различив сквозь висящий в воздухе пороховой дым кирасы и шлемы моих усачей, любопытствующие спешили вернуться в спальни, оставив боевые действия легионерам д'Аржи.

Понятно, в наши планы не входило принимать последний бой у альковных порогов первых красавиц королевства, но хоть чуть-чуть задержать переполошившихся стражей замка было необходимо. Раз уж мы все равно вломились сюда, перебили столько народу, разбудили мадам Екатерину и ее свиту, должен же был Мано в конце концов отыскать предмет своей высокой страсти!

Очередные преследователи возникли из-за того самого

угла, из-за которого всего несколько минут тому назад появились мы сами. Шум их суматошного бега был слышен издалека. И потому появление легионеров было ознаменовано очередным залпом моего войска. Клубы черного едкого дыма заволокли коридор. В ответ по нам ударило несколько выстрелов из аркебуз. Добротная мебель приняла причитающиеся нам пули, осыпав укрывшихся за баррикадой гасконцев дождем позолоченных полированных щепок. Увидеть что-либо сквозь дымовую завесу стало и вовсе не возможно. Пользуясь этим, стража вновь попыталась пойти на штурм, однако второй залп моих пистольеров, похоже, тоже не пропал даром. Крики раненых свидетельствовали о том, что часть выстрелов достигла цели.

Долгожданный свист Мано оповестил, что заветная опочивальня обнаружена и самое время подумать о душе, вернее, о ее спасении. Как говаривал Лис: «Дорогие гости, не надоели ли вам ваши хозяева?»

Лис? Опять Лис?! Да кто это, черт возьми, такой? Аркебузная пуля ударила в высокий гребень мориона, заставляя голову дернуться резко в сторону.

– Что-то мы здесь засиделись, – процедил я, доставая из сапога свой третий, последний, пистолет и взводя курок. – Уходим! К окнам!

На наше счастье, особняк Пти-Мюс от фундамента до самой балюстрады был увит лозами дикого винограда, аккуратно подстригаемого придворными садовниками, чтобы

листья и гроздья не затеняли дворцовых окон. Туда-то, на виноградные лозы, и лежал наш путь. Откуда-то издалека, должно быть, от королевской резиденции, донесся тревожный звук ротного рожка.

– Быстрее, быстрее! – торопил я гасконцев, цеплявшихся за резные каменные карнизы и перескакивавших под покров виноградных лоз.

Уроженцы Беарна и Нерака, привыкшие рассматривать мир скорее ввысь, чем вширь, с молодых ногтей осваивают искусство лазания по отвесным скалам, цепляясь за каждый камешек, за каждый пробившийся сквозь гранитную толщу кустик. Декоративная же поросль особняка Пти-Мюс была для них не менее удобна, чем добротная веревочная лестница. Мы находились ярдах в десяти над землей, однако путь наш лежал вверх; начни мы сейчас спускаться – непременно бы столкнулись с legionерами д'Аржи, спешащими на помощь ночной страже особняка.

Дорога к спасению вела на крышу, где за обвитой виноградом каменной балюстрадой можно было, оставаясь невидимыми с земли, обойти дворец по периметру и спуститься с противоположной стороны, полагаясь на удачу, трофейные плащи и шлемы legionеров и собственное ратное искусство. Именно в таком порядке.

Де Батц уже ожидал нас на крыше. В одной руке он держал шпагу, в другой – очаровательное юное создание, босоное, но в красном, перевитом черной шнуровкой платье,

явно второпях накинута на едва проснувшуюся прелестницу. Огромные черные глаза, черные брови, черные, воронова крыла, волосы, тонкие черты лица и удивительно белая кожа – таков вкратце был портрет красавицы, лишившей сна моего лейтенанта, а с его помощью и весь замок Сен-Поль.

– Это она? – спросил я, спохватываясь нелепости вопроса.

– О да, сир!

– У тебя отменный вкус, Мано!

Глаза девушки округлились и стали еще больше.

– А я вас знаю. Вы – Генрих Бурбон, король Наварры.

– Очень верное замечание, сударыня, – поклонился я. –

Однако самое время покинуть эту очаровательную крышу.

– Где они?! Где?! – доносилось снизу.

– Гляди-ка, вон они! Лови, они убегают!

Я с удовольствием погладил усы. Мои гасконцы, оставленные для прикрытия внизу, прекрасно справлялись со своей ролью. Толпа легионеров сорвалась с места и, громяхая железом, помчалась в направлении особняка Этамп.

– Да нет! Это не они! Они повернули! Вон они побежали!

Лови их, лови!

Карусель погони во всю свою разухабистую прыть закрутилась по дворам, паркам и лужайкам замка Сен-Поль. Дождь закончился, но день, обещая ясную погоду, покрыл все густым предрассветным туманом, скрывая от глаз преследователей не то что искомую жертву, но даже спину соседа.

– Спускаемся! – скомандовал я.

– Ваше Величество! – раздался из тумана голос настолько тоскливый, что его можно было принять за стенания баньши.²⁰ – А я? Что мне делать?

– Де Бушаж? Как вы здесь очутились? – искренне удивился я.

– Ваш неистовый лейтенант загнал меня сюда своей чертовой шпагой.

– Мано! – Я повернулся к другу. – Зачем?

– Я не мог отпустить пленника без вашего приказа, – ничтоже сумняшеся ответил гасконец.

– Это ты зря! Возвращаю вам свободу, де Бушаж! – гордо провозгласил я. – Да, и вот еще что! Передайте королеве Екатерине, что я не убивал ее сына и докажу это! И еще: когда вас отсюда снимут, прошу вас, не забудьте передать страже, что на деревьях, вблизи калитки, у дворца Сансе, висят три легионера. Их хорошо бы освободить. Прощайте, мсье. – Я чуть поклонился и исчез в тумане, оставляя полуголового вельможу в одиночестве на мокрой крыше. По возвращении в свои покои его еще ожидало немалое разочарование в жизни. Пока мы с де Батцем вели с ним подобающие случаю переговоры, рачительные гасконцы со всей возможной тщательностью очистили комнаты главного гардеробмейстера от

²⁰ Баньши – мифическое существо, по преданию, появлялось на крышах домов, жителям которых грозили несчастья, и оглашало округу тоскливым душераздирающим воем.

всех сколь-нибудь ценных вещей, попавшихся им на глаза. Включая золотые с рубинами пуговицы на платье, заготовленном к церемонии утреннего подъема королевы.

Наконец наш отряд был на земле. Де Батц нес на руках свою драгоценную ношу, сияя точно кормовой фонарь флагманского линейного корабля. Обратный путь был выверен нами до шага. Вряд ли обезумевшая стража, носящаяся по территории замка, точно щенок, ловащий свой хвост, могла помешать нам сейчас добраться до берега. Но на всякий случай у нас был заготовлен для нее еще один сюрприз.

– Пожар! Сбивайте пламя! Пожар! – услышал я удовлетворенно. Вот теперь-то уж точно страже будет не до нас. Ярким пламенем, прорезая утренний туман, пылал особняк парижского прево. Полагаю, к рассвету меж четырех резных башен, окружавших его, должна была остаться лишь груда обугленных развалин.

– Быстрее к реке! – скомандовал я. – Нам необходимо вернуться, пока туман не рассеялся.

Баркас со всей возможной скоростью двигался вверх по реке. Теперь идти было тяжелее. Течение, бывшее до того на нашей стороне, сейчас старалось замедлить ход суденышка, а то и вернуть его к месту отплытия так, словно сама Черная Вдова была в союзе с духами речных вод. Однако бесчувственные к этомуговору гасконцы, радуясь победе и тому, что все они так весело встречают утро следующего дня,

гребли точно заведенные. Только сейчас некоторые из них заметили ранения, полученные во время перестрелки в коридоре. Впрочем, по большей части легкие, вроде глубоких царапин от отколовшихся после аркебузных выстрелов щепок.

– Де Батц! – произнес я, с некоторой завистью глядя на своего лейтенанта, сидевшего под навесом у ног прелестной Конфьянс и держащего в своей руке ее тоненькие пальчики. – Какой сегодня день недели?

– Пятница, сир, – не сводя глаз с девушки, бросил Мано.

– Прекрасно. Проведение, похоже, на нашей стороне. Это день смерти Генриха II, мужа Екатерины. В этот день она не собирает свой совет и ничего не начинает. Значит, именно сегодня нам нужно покинуть Париж.

Вот наконец в предрассветной дымке обозначились контуры пирса, и наш шкипер, велев всем сушить весла, взялся за лежавший дотоле на дне багор, чтобы аккуратно притянуть свое суденышко к причалу. Борт баркаса уткнулся в один из толстых соломенных жгутов, обвивших бревно, и кольцо с замком и цепью заняло свое прежнее место.

– Мано! – прошептал я. – У де Бушажа в покоях было золото?

– Да! – с достоинством ответил мой хозяйственный помощник тоном гордым, точь-в-точь полководец, сообщающий государю о взятии крепости. – Парни обнаружили шкатулку. По виду в ней тысячи две ливров!

Я присвистнул. Учитывая, что издержки аристократа средней руки при дворе в месяц составляли порядка ста ливров, не считая стоимости одежды и украшений, мы нанесли незадачливому вельможе урон размером примерно в годовой его бюджет. А с иными трофеями и того больше. Можно было себе представить, какими словами помянет нас господин гардеробмейстер, обнаружив пропажу. Ей-богу, я вспоминал о нем исключительно с благодарностью.

– Отсчитай-ка лодочнику десяток монет.

Де Батц послушно исполнил мою волю.

– Держи, приятель. – Блестящие кругляши легли в задубевшую ладонь шкипера. – И послушай добрый совет. Если сегодня у тебя вдруг обнаружатся срочные дела вне Парижа – это будет весьма кстати и для тебя, и для нас.

Лодочник обвел пристальным взглядом компанию, сохранившую итало-разбойничий вид, скривил губы в глумливой ухмылке и вновь протянул мне пустую ладонь. Конечно, это было откровенное вымогательство, но торговаться с соучастником было некогда. Да и не с руки. Легче всего выйти на нас можно было именно через него.

– Мано! Отсыпь ему еще десять! – распорядился я.

– Двадцать, – кратко, но непреклонно выдохнул гроза местных окуней.

Де Батц растерянно посмотрел на меня, кладя руку на эфес шпаги.

– Ладно, пятнадцать, – по достоинству оценив жест злост-

ного плательщика, смилостивился лодочник.

– Мано! Выдай ему пятнадцать золотых. Но запомни, милейший, как только откроются ворота, ты должен исчезнуть из города минимум на месяц.

Рыбарь молча кивнул и, развернувшись, зашагал прочь. Должно быть, собирать вещи.

Возвращение в «Шишку» мы постарались обставить как можно более скрытно. Пистольеры остались в старом заброшенном доме на Пла-д'Этэн, где прежде, по слухам, обитали привидения погубленных разбойниками хозяев. Однако, кроме нескольких нищих, возможно, потомков тех самых разбойников да голодных крыс, служивших им пропитанием, сейчас в доме никого не было. Нищие потеснились, а крысы вздохнули спокойнее, поскольку добросердечные везде, кроме схватки, гасконцы время от времени делились с убогими остатками провизии.

Пробравшись задними дворами к борделю милашки Жозефины, мы вздохнули с облегчением. Радость Мано была двойной. С одной стороны – мы добрались до убежища без приключений, а с другой – всю дорогу от пирса до «Шишки» де Батцу пришлось тащить босоногую Конфьянс вверх по холму, петляя по задворкам, карабкаясь через изгороди и перебегая улицы, чтобы случайно не попасться на глаза какому-нибудь не ко времени встрепенувшемуся стражнику. Впрочем, судя по лицу, ноша скорее радовала его, чем тя-

готила. Но вот мы были на месте. Воспользовавшись ключом от черного хода, наша компания тихо вошла в спящий бордель и, стараясь никого не будить, прокралась в «королевскую опочивальню». Ночь прошла весело, и самое время было отдохнуть. Конфьянс, удивленная и так до конца не пришедшая в себя, расположилась на единственной кровати, принадлежащей мне, а до того – Жози, я – на раскладной лежанке де Батца, а он сам, устроив мосластые ноги на подлокотниках, – на сдвинутых креслах.

Спали мы, должно быть, недолго и проснулись от ужасающего грохота. Не открывая глаз, я сунул руку под подушку за пистолем, разомкнул веки и невольно присвистнул от нелепости представшей моему взору картины. На кровати, прикрывая наготу подушкой, восседала Конфьянс. На полу, под перевернутым креслом, недоуменно тараща глаза на весь белый свет, красовался Мано, пытаясь сфокусироваться на внушительной фигуре Жозефины, являющей собою живую аллегория правосудия в действии.

– Ты что же это такое вытворяешь, негодник?! – подбоченясь, заорала она, но, сообразив, видимо, что нас могут услышать лишние уши, немедленно перешла на трагический шепот. – Ты мне что говорил, подлец?! Нужно помочь девочке, которую, против ее воли, продают в услужение злой старухе? Так или нет?! Что ж ты, морда твоя волчья, не сказал, что старуху звать Екатерина Медичи! Поутру приходит брат Адриэн и рассказывает, мол, банда гасконцев напала на

дворец Сен-Поль, спалила дом господина прево, перебила уйму народа и награбила столько, что едва смогла уйти. А вы, мсье?! Вы что же, специально в Париж повадились – наших королей убивать?! Поговаривают, Генриха Валуа голого на крышу загнали, всего изранили, насилу жив остался! Что же это вы разбой чините, господа хорошие?!

– Жози! Жози! – попытался вмешаться де Батц.

– Молчи, кобель противный! Тьфу на тебя, душегуб. Девчонку-то, девчонку зачем сюда притащили? Нешто ей тут место? У меня, между прочим, честное заведение, а не какой-нибудь там притон! Экая ты миленькая! – без всякого перехода продолжила она. – Давай-ка помогу тебе одеться! Не привыкла небось без камеристки!

Переступив через замершего в ошеломлении гасконца, она направилась к ложу Конфьянс, ища взглядом вещи девушки. Как я уже говорил, вещей почти не было – одно лишь платье.

– Да что же это такое? – Всплеснула руками она, обнаружив отсутствие искомых предметов одежды. – А где же белье?! Где туфли?! Ироды, навуходоносоры, вы так ее и тащили? Она ж застудиться могла! Ну, ничего, голубка моя. Сейчас что-нибудь придумаем! – не умолкала хозяйка. – А ну, отвернитесь, скоты, не видите, что ли, дама смущается!

Мы поспешили выполнить требования Жозефины. Насколько я успел ее узнать, эта разбитная девица могла себе позволить не только обозвать «скотом» короля Наварры, но

и, в случае невыполнения категорических требований, использовать для убеждения подсобные средства, вроде того же вышибленного из-под Мано кресла. Из всего потока выпавших Жозефиной новостей я четко уловил одну, пожалуй, наиболее важную.

С самого утра в «Шишку» явился брат Адриэн, а стало быть, и шанс, что у нас вновь появился транспорт, способный вывезти из города беглецов, которых с этой ночи стало еще больше. Слава богу, теперь у нас было чем заплатить Божьему человеку за его услуги и, что немаловажно, за его молчание.

– Жози! – не поворачиваясь, спросил я. – Ты говоришь, приходил брат Адриэн?

– Почему приходил? Он и сейчас внизу сидит – вас дожидается!

– А ты бы не могла пригласить его сюда?

– Мсье, да вы совсем ума лишились! Девочка же не одета! Вот сейчас я принесу...

То, что произошло дальше, очень явственно напомнило мне, что с умом у меня действительно все еще не все в порядке.

– *Капитан!* – раздался в голове очень внятный и до боли знакомый голос. – *Шоб я так жил! Я не знаю, какого лешего ты скрываешься и почему не выходишь на связь, но теперь мне без всяких яких известно, что ты жив и, на горе французскому двору, здоров. Это, так сказать, в первых строках*

письма. Во-вторую, надеюсь, что связь все еще с тобой и ее не таскает какой-нибудь ублюдок, обобрававший тебя в развалинах Лувра. Он-то все равно меня не слышит. Ну а если связь все еще с тобой, послушай политинформацию. Значит, так. С утра ко мне в Пти-Шатле явилась лично Е. Медичи с неофициальным, но довольно дружеским визитом. Кстати, не помню, говорил тебе или нет, что, после того как вы рванули Лувр, меня Паучиха посадила отдохнуть в этот самый Пти-Шатле. Не то чтобы на хлеб и воду, но пейзажами и памятниками Парижа можно любоваться только в окошко.

Так вот. С утра она притащилась ко мне в великом огорчении, напела песен о твоих ночных подвигах, моей невиновности и списала меня с казенного довольствия на вольные хлеба. Сделаем вид, что ей поверим, однако хвост у меня длинней, чем лисий, раза в два. Мадам наивно полагает, что я с тыгыдымской скоростью помчу к тебе, а заодно и ее шакалов за собой приволоку. Ну, это она погорячилась, мы такие уловки еще в третьем классе во второй четверти изучали. Однако пока придется побегать, стряхнуть топтунов.

Но до того как мы встретимся, Вальдар, я тебя заклинаю, хватит заниматься борьбой с памятниками архитектуры. Что они тебе плохого сделали?

Что еще? А, вот. Сунулся сегодня к пану Михалу. Он о тебе ничего не слышал с того дня, но ему сейчас ни до чего. У него сидит посольство Речи Посполитой и роет копытом

землю. Они хотели в короли Генриха, но, поскольку он теперь вышел в крутые перцы, подбивают клинья под его младшего братика – Францисека. Так что туда сейчас лучше не тыкаться. Да и вообще, тебе бы пора из города валить. Тушкой, чуелом, как угодно. Сядь где-нибудь поблизости и не отсвечивай. Если что, я тебя через Базу по маяку постараюсь найти. Ладно, ты все равно не отвечаешь, надеюсь, хоть слышишь. В любом случае жму руку, Лис. Он же по совместительству Рейнар Серж Л'Арсо д'Орбиньяк. Точка. Отбой связи.

– Мано! Ты помнишь д'Орбиньяка?

– О да, сир! Это ваш адъютант. Он был там, в Лувре.

– Мне кажется, вот тут – в голове, – я ткнул себя пальцем в лоб, – я слышу его голос.

– Но, мой капитан! Этого не может быть!

– Вы не правы, мсье! – послышался из-за спины нежный голосок мадемуазель де Пейрак. – В детстве в дом моего отца в Провансе приезжал известный маг и ученый Мишель Нострадамус. Он мог видеть сквозь время и слышать голоса тех, кто умер или еще не родился.

– И все же я так полагаю: ежели человек говорит с Богом, то это молитва. А уж ежели Бог с человеком, то это... – он покосился на меня, – что-то не так...

– Можно легко проверить – чудятся мне эти слова или нет, – поспешил я пресечь его подозрения. – Рейнар сказал, что до сегодняшнего дня его содержали в Пти-Шатле, а се-

годня выпустили. Надо лишь послать кого-нибудь туда и порасспросить стражников.

– Это можно, – задумчиво произнесла Жозефина. – Ладно, с одеванием пока покончено. Пойду, постараюсь подыскать что-нибудь приличное для нашей милой девочки да позову брата Адриэна. Он уже битый час дожидается. Вторую бутыль пьет.

Святой отец появился в комнате спустя несколько минут, озаряя скромное жилище улыбкой благодной, как первое причастие.

– Мир вам, дети мои. Чуть свет, возрадовавшись новому, дарованному Господом дню, я поспешил сюда, дабы словом Божиим умягчить сердца ожесточенных и радостною вестью вселить покой и надежду в души их.

– Святой отец, вы нашли повозку? – нетерпеливо выпалил я.

– Отриньте сомнения и уверуйте, ибо нет ничего невозможного для того, кто поручил себя водительству Господнему! Ваша потеря стоит во дворе в том же виде, в каком оставил ее господин возчик. – Он кивнул на де Батца, уже вполне одетого и со шпагой у бедра. – Прямо сказать, сие не самый достойный экипаж для вас, сир. Но ведь в малом мы узнаем великое. И разве не ступал наш Спаситель босыми ногами по раскаленным камням Палестины? И разве не его пример должен вести каждого из нас?

– Вы знаете, кто я?

– Конечно, сир. После недавней свадьбы мало кто в Париже не знает вас! Я был лишь в нескольких шагах от Вашего Величества, когда кардинал Бурбонский сочетал вас узами брака с нашей милой принцессой Марго. И тогда я сказал себе: вот человек, нуждающийся в покровительстве Господнем, ибо, пока не сломит он свою гордыню, деяния его будут подобны песку под ветром. И разве не Господь обратил стопы мои сюда, в этот вертеп почтенной госпожи Жози, дабы через меня явить вам непреложное свидетельство о всемогуществе своем.

– Брат Адриэн, неужели вы вернули нашу повозку словом Божиим?

– Не совсем, сын мой. Но Господь надоумил меня, как это сделать наилучшим образом. Узрите и убедитесь! – Монах вытащил из рукава сутаны небольшой пергамент и протянул его мне.

– Что это, святой отец? – спросил я, принимая свиток.

– Дарственная на вашу повозку, заверенная парижским нотариусом мсье Ле Шантелье, в которой экипаж, мулы и все содержимое возка, а также упряжь и бич преподносятся в дар церкви Святого Бенедикта.

– Что?!! – в один голос выпалили я и Мано.

– Такова была искренняя воля похитителей. Я не смел им перечить. Но вам не от чего волноваться. Я не склонен отнимать сей возок у вас. Во всяком случае, сейчас, когда он

вам так нужен. Но, с другой стороны, посудите сами: я не могу передавать церковное имущество невесть кому, даже если эти «невесть кто» — король Наварры и начальник его гвардии. А потому, как ни жаль мне покидать Париж, но мой долг следовать с вами. Что поделаешь! На все воля Божья!

Мы с де Батцем бессильно переглянулись. Похоже, выбора у нас не было.

Глава 8

Чудес не бывает: из одной мухи можно сделать только одного слона.

Введение в курс естественной магии

Пауза, повисшая в «королевских покоях», безбожно затягивалась. Хотя, может быть, она затягивалась божественно. Кто их знает, эти паузы! Одно было понятно: что-то надо отвечать на столь щедрое и недвусмысленное предложение святого отца.

– Преподобный отче, – начал я. – Вы разгадали наш неумелый маскарад и знаете, кто находится перед вами. Не может быть, чтобы вы не знали о той награде, которая назначена за наши головы. Что же толкает вас помогать нам, рискуя, быть может, жизнью?

– Сын мой! – умильно закатив глаза, вздохнул святоша. – Иуда Искарот, польстившийся на денарии Понтия Пилата, – вот назидательный пример участи того, кто решит оценить монетой жизнь ближнего своего. Быть повешенным на осине – удел их. Когда мне говорят: избиение католиками гугенотов угодно Богу – я не желаю быть католиком! Когда мне говорят, что гасконцы, прибывшие в Париж, враги уже потому, что говорят не так, как мы, – я жалею о том, что родился парижанином! Слова о Боге на устах у Антихриста!

Но если эти слова – истина, то я отрекаюсь от истины!

– О-ла-ла! – присвистнул де Батц.

– К тому же, – немного меняя тон, как ни в чем не бывало продолжил брат Адриэн, – я слышал о предсказаниях Нострадамуса, предрекавших вам, сир, королевский венец не только Наварры, но и Франции. Неужто вы могли подумать, что я пожелаю своей рукой разрушить то, что предначертано промыслом Всевышнего. Мой первейший долг всемерно способствовать воле небес, не алкая себе иного вознаграждения, кроме вящей славы Господней. Хотя щедрость к малым есть первейшая добродетель помазанника Божьего. – Он потупил глаза, поглядывая из-под густых ресниц, какой эффект произвели его слова. – Но полно, господа! Теперь у вас есть экипаж. Вы выяснили, отчего я не предал мнимых возчиков в лапы ищеек королевы Екатерины. Теперь самое время заняться более насущными делами. Нынче мы с вами должны выбраться из города. Полагаю, нет нужды доказывать, почему именно сегодня?

– О нет! – не сговариваясь, ответили оба горе-возницы.

– Вот и прекрасно. Сразу должен сказать, что ваш план с бочкой, несомненно, хорош. Но скажите, господа, как вы намерены вывезти это юное создание из города? Быть может, вам кажется, что эта прелестная девица – ангел и может упорхнуть из Парижа, расправив крылья. Придется разочаровать вас: увы, это только кажется. А вот то, что с нынешнего утра мадемуазель де Пейрак тоже находится в розыске

как ваша сообщница – непреложный факт.

Девушка ойкнула, испуганно прикрывая ладошкой рот.

– Дочь моя, здесь вы в относительной безопасности, если только где-то во Франции есть место, где живущий может себя чувствовать безопасно. Однако, если мадам Екатерина пожелала вас и именно вас видеть среди девиц своего «Летучего эскадрона», стало быть, у нее были на то вполне весомые причины. Нет такой силы, кроме разве что воли Божьей, которая могла бы заставить ее отступить от своего замысла. Увы, сударыня, сами того не желая, вы ввязались в очень опасную игру. А сегодняшнее ночное приключение к тому же весомая оплеуха ее королевскому величию. Государыня мстительна, как все итальянки. Жизнь научила ее прятать вспыльчивость под непроницаемой маской, но все это живет в ней. Она ни за что не откажется от мысли отомстить вам. К сожалению мадемуазель, увидев вас однажды, забыть уже невозможно! А парижане, на беду, запоминают женщин куда лучше, чем мужчин. Потому, господа, надеюсь, вы согласитесь, что место в бочке, уготованное для вас, сир, будет лучше уступить прекрасной даме.

– А-а-а... – начал было я, пытаюсь вклинить в простран- ные рассуждения благочестивого падре.

– Не стоит тревожиться, сир. Я уже подумал об этом! – поспешил успокоить нас брат Адриэн. – Как мне известно, вы планируете выбираться через ворота Сен-Дени и далее направляетесь в Понтуаэ, мсье де Батц?

– Откуда вы знаете? – недовольно бросил ревнивый пистольер, явно огорченный тем, что его замысел столь легко разгадан, да к тому же таким глубоко не военным лицом, как бенедиктинский монах.

– Нетрудно было догадаться, – смиренно проговорил брат Адриэн, перебирая четки. – Вы каждый день ездили через ворота Сен-Дени в скорбный приют Святого Лазаря. А ваши гасконцы, с недавних пор обитающие в старом доме на Пла д'Этэн, всякий день разговаривают о друзьях, которые ждут их в Понтуазе, забывая, что среди нищих тоже есть добрые христиане, ходящие к исповеди.

– О, черт! – Де Батц вскочил как ужаленный.

– Умоляю вас, шевалье, не поминайте имени врага рода человеческого. – В глазах бенедиктинца читался поддельный, но хорошо подделанный отеческий укор. – Ибо бродит он, аки лев рыкающий, ищущий, кого бы пожрать! Не зря же говорится: помянешь лукавого – а он тут как тут! Кстати, к вопросу о пожрать! – помедлив секунду, продолжил святоша. – Господин возчик, вам давно уже пора отправляться на рынок за продуктами для приюта. Не желаете же вы выезжать через городскую заставу с пустыми корзинами!

По сути, брат Адриэн был прав, но воспринимать советы, пусть даже самые здравые, от монаха – это было выше сил неистового гасконца.

– Да какого... – начал было де Батц.

– Не поминайте всеу! – суровая на глазах, проговорил мо-

нах. – Не беспокойтесь, господа, я выведу вас через городские ворота, ибо считаю нужным это сделать. Без меня ваш маскарад обречен на провал. После сегодняшнего нападения на королевский дворец стража у всех ворот усилена. Прево небезосновательно считает, что сегодня-завтра вы постараетесь улизнуть из города. Прошу вас, сир! – Он обратился ко мне. – Велите своему соратнику следовать моим словам. Вы ведь сами понимаете, что они верны.

Я молча кивнул. Разобиженный де Батц поднялся, ворча себе под нос что-то нелicenseприятное по поводу Парижа, Богоматери, священников в целом и лично брата Адриэна. Напялив свою нелепую извозничью куртку, он собрался было уже идти, но, вспомнив, что шпага по-прежнему украшает его бедро, стал, все так же тихо ругаясь, отстегивать перевязь.

– Нынче сразу после вечерни, господа, я жду вас у церкви Святого Бенедикта. Спрячьте девушку и потрудитесь прийти без оружия. Во всяком случае, сделайте так, чтобы его не было видно. Остальное – моя забота. А сейчас отдыхайте, мессир, и вы, сударыня. Да вот еще что, мадемуазель, не говорите о том, что судьба привела вас в эту юдоль печали, ибо чистота души возликует и в поруганном теле. Уповайте на милость Господню, ибо она безмерна.

Состроив благостную физиономию, святой отец поднял руку в благословляющем жесте и, повернувшись, не спеша засеменил к двери.

– До встречи, дети мои! – Кинул он через плечо у самой двери. – Мне еще необходимо сделать кое-какие распоряжения. Запомните: после вечерни у церкви Святого Бенедикта.

* * *

Святой отец удалился, оставив нас с Конфьянс отдыхать перед следующим этапом побега из столицы. Сон был сейчас весьма кстати, но мне отчего-то не спалось. Слушая мерное дыхание девушки, я лежал, закинув руки за голову, размышляя об обещании, данном мной через де Бушажа Екатерине Медичи. Для меня было абсолютно ясным, что смерть короля Карла не могла быть делом моих рук. Я просто физически был не в состоянии самостоятельно вылезти из-под обломков колонны, а уж тем более обнажить кинжал и ударить им в грудь христианнейшего монарха. А то, что он меня пытался вытащить из развалин, я помнил уже наверняка. Но все же кому-то понадобилось убить Его Величество и взвалить на меня вину за его смерть! Очень мило, Сакр Дье!

Могла ли это быть сама Екатерина? То, что она не слишком любила Карла за его буйный нрав, неуправляемость и заигрывание с гугенотами, – это общеизвестно. Общеизвестно также, что Паучиха души не чает в принце, вернее, уже без пяти минут короле Генрихе. И что она издавна желала корону Франции для Анжуйца. Могла ли Екатерина ускорить гибель одного своего сына, чтобы отдать власть другому? В

принципе – могла. Уговаривая себя, что Карл смертельно болен и жизнь готовит ему лишь боль и страдания, что смерть Карла – это искупительная жертва, благодаря которой можно будет восстановить мир в королевстве... Могла, но, вероятнее всего, не делала этого. К чему вкладывать кинжал в руки убийцы, когда к твоим услугам такой мастер в изготовлении ядов, как Козимо Руджиери?

Могла ли это быть импровизация кого-либо из приближенных Екатерины, решившего одним махом избавиться от двух королей? Вряд ли. Черная Вдова никого не посвящает в свои замыслы, даже своего любимца Генриха Анжуйского. А ее многоходовые интриги не допускают самостоятельности подручных. За годы своего фактического правления королева уже приучила к такому порядку дел весь двор. Так что если предположить, что Карла должны были убить по ее приказу, смерть эта была бы тихой и безболезненной. Вероятнее всего, во сне.

А вдруг убийцей короля был один из людей гвардии Анжуйца? Возможно такое? Вполне. Генрих терпеть не мог своего брата за то, что тот требовал от него оставить в покое жену принца Кондэ, за гугенотскую любовницу его самого, за дружбу со своим извечным врагом Колиньи. Да хотя бы и за то, что Карл был старше!

Мог ли Анжуйский поручить своим людям убить короля? Вполне. И люди такие у него имелись. Скажем, тот же Луи де Беранже, сьер дю Гуа. Этот – из людей той породы, которым

все равно, чью кровь проливать. Было бы для чего.

Коронель²¹ дю Гуа. Я отчего-то очень явственно вспомнил холодный, презрительный взгляд, которым он одарил меня перед уходом из Лувра. Да, точно! Он был в Лувре, был за несколько секунд перед взрывом. Стоял рядом со своим господином. Потом они вместе начали спускаться в подземный ход. Мог он вернуться, вытащить из ножен мой кинжал и ударить им в грудь короля? Мог! Да и ударить мог своим, а мой уже потом всунуть в рану. Что мешало ему подняться вверх после взрыва и нанести предательский удар? Что мешало? Что? Тяжело сказать. Во-первых, неизвестно, возможно ли было пользоваться подземным ходом после взрыва. Во-вторых, если предположить, что вход не был завален, в него должна была ринуться толпа ополоумевших придворных. Против такого течения идти невозможно. Значит, либо убийца после взрыва все еще был наверху, ожидая, когда останется один на один с жертвой, либо он появился позже. Мог ли дю Гуа подняться вверх по лестнице полной народа? Вряд ли. Но почему именно он? Быть может, это был один из гвардейцев принца, из его фаворитов. В той толчее я мог просто не обратить внимание на них. Вероятно, драбанты Анжуйца тоже находились в этот час в Лувре. Не все же грабили ювелирные лавки! Одно можно сказать точно – смерть брата не вызвала у Генриха сильных эмоций и траур по нему не мешает наследнику трона крутить шашни с прин-

²¹ Коронель – полковник.

цессой Кондэ.

Поговаривают, что он затеял «крестовый поход» на Ла-Рошель, чтобы развлечь даму сердца. Недурственный шаг! С одной стороны, можно попробовать оставить принцессу молодой вдовой, с другой – подновить военную славу Жарнака и Монконтура, не особенно втягиваясь в боевые действия. Сейчас сентябрь. Вскоре коронация. Если поход начнется в эти дни, то в ноябре его уже необходимо будет закончить. Так что война – не война, а так, воинские игрища. Письмо Папе в Рим с верноподданническим прошением расторгнуть брак между гугенотом Кондэ и католичкой Марией Клевской, между двоюродными братом и сестрой, и, наконец, между пассивнейшим христианнейшим королем Франции и его отчаянным врагом за это время дойдет до Рима. И его святейшество воочию сможет убедиться, что молодой король – истинный ревнитель веры, а следовательно, заслужил тот маленький подарок, о котором просит. Дальше – жизнь, залитая солнечным светом и благоухающая розами и лилиями.

Единственная помеха – брат Карл. Один удар – и помехи нет. Мог ли Анжуец убить короля? Мог. Во всяком случае, был заинтересован в этой смерти. Но убивал ли? Не факт.

Вот, к примеру, еще одна кандидатура на роль цареубийцы – Генрих де Гиз. Размах его действий вполне под стать подобной затее. Взрыв Лувра – лучшее тому доказательство! Если я и Карл выходим из игры, Франсуа Алансонский отправляется в Речь Посполитую, новый король оказывается

лицом к лицу с Гизом. И не только с Гизом, но и с его католической Лигой. Вот, кстати, причина для Анжуйца повременить с убийством брата. Пусть уж лучше Карл IX разбирается с самозванным Каролингом и любимцем толпы. Моя голова Анжуйцу выгодна в комплекте с телом. Воевать одновременно и с Лигой, и с гугенотами – дело весьма хлопотное и, что немаловажно, дорогостоящее. С кем-то надо договариваться. Вероятнее всего, с гугенотами. Они не рвутся на престол. А после смерти Колиньи и Карлу, и его брату выгоднее вести переговоры со мной, а не с кузеном Кондэ. Анжуйцу так уж точно.

Но это с точки зрения логики. То есть, по меркам французского двора, – абсолютное ничто. Кураж, эмоция, порыв – вот это по-французски, а логика... Одна мадам Екатерина при дворе, поди, и знает, что означает сие слово. На своего любимца она влияет, спору нет, но его прихлебатели вполне могли порадовать своего сюзерена таким вот милым сюрпризом. А могли ведь и промолчать?! Нет. Вряд ли. Придворный – существо публичное, для него одобрение господина – заветная цель в жизни! Устранение с доски и черного, и белого короля – не просто убийство, не месть. Это подвиг во имя нового государя! Стало быть, придворный не промолчал бы. Впрочем, дю Гуа мог и поскромничать. Этот молодец из особого теста.

Так кто же? Лазутчик Гиза, затесавшийся в толпу испуганных царедворцев, или все же вернувшийся Луи де Беран-

же? Кто? Быть может, есть еще кто-то третий, кого я не знаю. Может! Черт возьми, может! И без того, чтобы вернуться ко двору, с этим не разобраться. Возможно ли это? Наверняка да. Но как?! Необходимо искать союзника. Сильного союзника. Сакр Дье!

Мысли мои начали путаться, и, сам того не желая, я заснул сном праведника, давая голове отдых от всех наших вчерашних приключений.

Сон мой был нарушен бесцеремонным вмешательством Жозефины. Впрочем, весьма кстати. В голове опять творился какой-то кавардак. Невесть откуда, из каких-то темных тайников мозга вылезали то образы мифических чудовищ вроде говорящего каменного дэва, то лица людей, несомненно, знакомых, но словно не в этой жизни. Я мучительно пытался вспомнить их имена. Иногда казалось, что вот-вот — и эта приоткрывающаяся дверца в иные миры распахнется, возвращая мне нечто весьма ценное. Но узенькая щелка, сквозь которую виднелись иные, близкие и все же такие далекие жизни, становилась все уже, пока не исчезала вовсе, оставляя меня один на один с крошечным мраком.

— Мсье! — Тяжелая рука Жозефины трясла меня за плечо, нимало не согласуясь с церемониалом королевского пробуждения. — А ну, вставайте, мсье, что это вы заспались! Скоро уже отправляться пора, а вы все дрыхнете! Давайте-давайте, мсье! Я вам воды солью. Приведите себя в порядок! — Она кивнула на таз для умывания и стоящий рядом позеленев-

ший медный кувшин. – Вставайте, пока вода не остыла!

Я оглянулся, ища глазами Конфьянс. Заметив мой взгляд, Жози поспешила успокоить незадачливого сторожа:

– Она внизу, с Манозлем. Проверяют тайник в бочке. Поспешите, мсье!

Заботливая бандерша перекинула через руку белое полотняное полотенце и подошла к умывальному тазу, готовясь лить мне воду из кувшина.

– Да, кстати! – словно невзначай бросила хозяйка «Шишки», выливая в подставленные ладони струю теплой воды. – Я посылала одну из своих девушек в Пти-Шатле.

– И что? – Я резко повернулся к Жозефине.

– Она говорит, что ближе к полудню из крепости выпустили какого-то гасконца – высокого, тощего, с перебитым носом и весьма бойкого на язык. Стражники жаловались, что он обыграл в карты весь гарнизон замка.

В моей голове, точно продолжение недавнего сна, всплыла картина: верзила, весьма напоминающий описание милашки Жози, с носом искривленным, точь-в-точь латинская буква «S», бросает шарик на миниатюрное подобие карусели, и склоненные над расчерченным на клетки полем шлемы начинают суматошно двигаться из стороны в сторону, нервно ожидая, когда шарик закончит свой бег. «Делайте ставки! – явственно прозвучало в моей голове. – Красное – король Англии, лазурное – король Франции, зеро – Божий промысел! Кручу-верчу, обмануть хочу!»

Клетки завалены монетами. Разочарованные крики проигравших и перекрывающий их вопль: «Изыди, голытьба! Ставки сделаны!»

– Да. Это шевалье д'Орбиньяк! Вне всякого сомнения! – Я плеснул себе в лицо воды, точно пытаюсь отогнать навязчивый морок. – Наваждение какое-то! Значит, Рейнар жив! А я, выходит, могу слышать его голос, где бы он ни находился. И не только его!

– Как интересно! – восторженно проговорила Жози с интонацией, ранее у нее никогда не слышанной. Я невольно оглянулся на женщину. В какую-то секунду мне показалось, что передо мной девчонка лет шестнадцати, а не многоопытная хозяйка борделя. Но, словно застеснявшись проявления своих чувств, Жозефина поспешила сменить тон. – Держите-ка, сударь, полотенце да поторопитесь с одеванием. Него же заставлять ждать почтенного брата Адриэна.

Я не заставил себя упрашивать. Мано уже поджидал меня внизу у повозки. Корзины, полные продуктов, громоздились одна на другой, загораживая доступ к тайнику в бочке и прикрывая высверленное сегодня моим другом отверстие для дыхания. Конечно, хрупкой девушке там было больше места, чем мне. Но, прямо сказать, предстоящая прогулка в бочке должна была стать отнюдь не самым приятным воспоминанием в жизни мадемуазель де Пейрак.

– Ну что, Жози? – увидев спустившуюся вместе со мною хозяйку, начал де Батц. – Спасибо тебе за все. Если что, не

поминай лихом...

– Ну уж дудки! – Руки Жозефины уперлись в бока, делая ее неуволнимо похжей на античную амфору. – Ты что же думаешь, чертов сын? Сказал: «Прощай, Жози», – и все? По-ехал?

– Жози...

– Я уж сколько лет Жози, – отмахнулась она, хватаясь за борт возка. – А ну, потеснись!

– Ты куда? – Обескураженный возница беспомощно посмотрел на меня, точно ища защиты.

– А бес его знает! Вон лучше у этого носатого спроси. – Мадам бесцеремонно ткнула в меня пальцем. – Я с вами еду! Чего стоите, мсье, влезайте. До церкви подвезем!

– Но, Жозефина, а как же «Шишка»? – попытался было урезонить свою подругу Мано.

– А что «Шишка»? Здесь есть кому остаться. – Хозяйка понизила голос так, чтобы ее могли слышать лишь мы вдвоем. – Не смейте мне перечить, господа. Ваши головы нынче, поди, уже более шестидесяти ливров стоят. Что ж мне, вам такие-то деньги дарить, что ли?

– Жози... – попытался было вставить слово я.

– Да нет, мсье. Мне-то не жалко, я подарю. Но вот вам, сир, такие-то подарки принимать не к лицу. Тем более от хозяйки борделя.

В словах наглой вымогательницы был резон. Одному Богу было ведомо, суждено мне стать королем Франции или нет,

но даже государю крошечной Наварры не пристало принимать подобные дары.

– Вы не думайте, мсье, – чуть смягчившись, продолжала Жозефина. – Я вам в пути еще не раз пригожусь. И... – она постучала пальцем по бочке, – без меня не обойтись. Да и вообще, засиделась я что-то тут. Когда маршал Таванн три года назад мне на заведение денег подарил, радовалась. А сейчас, – внезапно разоткровенничалась хозяйка, – к черту! Надоело. Ну, что ты расселся?! – привычно накинулась на де Батца бордельерша, стремительно переходя из одного состояния в другое. – Всю жизнь здесь торчать собрался? А ну, погоняй! Не слышишь, что ли, – к вечерне звонят! Но! Пошел!

Колокольный звон висел над Парижем, проникая в самые глухие закоулки. Совсем как в ту злосчастную ночь, три недели назад. Казалось, я и сейчас смогу вычленить из общего звука сильные нотки колокола Сен-Жермен Л'Оксеруа, подавшего сигнал к бойне. Впрочем, вероятно, это лишь казалось.

Перекресток перед церковью братьев бенедиктинцев был заполнен народом до отказа. Пока что, неодобрительно поглядывая на проезжающие экипажи, люди еще нехотя теснились и расступались, но парижане все прибывали и прибывали, причем в виде, мягко говоря, странном. Босоногие, в длинных холщовых рубахах, а то и без них, в колпаках каю-

щихся грешников, с узловатыми веревками в руках, то проливающие слезы, как монашка перед родами, то распеваящие благодарственные гимны с видом таинственно-восторженным.

Я спрыгнул с повозки де Батца, с великим трудом протискивающегося сквозь это скопище полоумков, и, работая плечами, локтями и коленями, начал пробиваться к церкви, где должен был ждать брат Адриэн. Завидев своего подопечного, он сделал знак рукой, и четверо мускулистых парней, голых по пояс, но в черных монашеских капюшонах, спешно раздвинули передо мной толпу, освобождая проход. Я невзначай заглянул под грубый шерстяной покров одного из них и, к великому удивлению, узнал одного из пистольеров-гасконцев.

– Следуйте за мной, сын мой. – Наш добрый брат бенедиктинец, как обычно перебирая четки, указал на вход в церковь. – Надеюсь, ради спасения если не души, то хотя бы тела, вам не составит большого труда войти в дом Божий?

– Ни в малейшей степени, – пожал плечами я, делая шаг к украшенной деревянным барельефом двери.

– Отрадно слышать сие, сын мой, весьма отрадно! Войди же под этот кров, дающий защиту всякому, взыскивающему ее. – Благостно улыбающийся брат Адриэн распахнул передо мной врата храма. Где-то, в каком-то полутемном чулане мозга, шевельнулась было мысль о том, что первейшему принцу-гугеноту не подобает входить в католическую цер-

ковь, а уж тем более искать в ней спасения. Но, честно говоря, этот вялый глас разума затих, даже не коснувшись души. Если коварство бенедиктинца состояло лишь в том, чтобы заманить меня сюда, — что ж, пожалуйста. Сколько угодно.

— Переоденьтесь, сын мой, — критически оглядев костюм нового прихожанина, проговорил монах. — Видели толпу на улице? Вы ничем не должны выделяться из нее. Ваша батистовая сорочка не пойдет. Вот, держите холщовую. Теперь капюшон. Затем вервие.

— Зачем? — озадаченно поинтересовался я, принимая из рук святоши очевидное орудие самоистязания.

— Для бичевания, сын мой. Для умерщвления плоти, — поучительно изрек брат Адриэн. — Вот, смотрите. — Бенедиктинец отобрал у меня узловатый шнур и как ни в чем не бывало с изрядной силой хлестнул себя по спине. — Весь секрет в том, — пояснил он, видя мои выпученные от удивления глаза, — чтобы вовремя остановить руку у плеча. — Если будете бить с размаху, очень скоро ваша спина превратится в кровавое месиво. Впрочем, несколько хороших ударов во искупление грехов вам бы не помешало, но так уж и быть. Коли Господь хранит вас для дел, ведомых лишь ему, мне ли карать Его избранника? Я дам вам бычий пузырь, наполненный кровью. Привяжите его на спине. Со стороны кровь на рубахе будет выглядеть вполне натурально. Попробуйте, сын мой!

Мое недоумение, должно быть, читалось так же явно, как

монограмма Девы Марии на четках святого отца.

– Благочинный Адриэн, что все это значит?

– Сир, я же призывал вас уповать на милость Господню. Да будет вам ведомо, что нынче днем Генрих Анжуйский дозволил наконец предать земле останки адмирала Колиньи, дотоле повешенные у позорного столба на Монфоконе. По просьбе маршала де Монморанси, спасителя Парижа, тело его кузена было захоронено на кладбище Невинноубиенных младенцев, где в утро вашего чудесного спасения расцвел боярышник. Вероятно, вы не знаете, что близ кладбища находится приют, именуемый Пятнадцать Двдцаток, он основан еще святым Людовиком после возвращения из Крестового похода в память о некоем слепом рыцаре, жившем в сарацинском плену и делившим с королем крохи своего подавания. В приюте содержатся триста слепцов, имеющих особое право собирать милостыню у упомянутого кладбища. Так вот, в тот час, когда земля приняла несчастного старца, пятеро слепцов чудесным образом прозрели, словно говоря тем самым парижанам, что и им пора узреть то, что злоба и ненависть сокрыла от их затуманенных невежеством умов: грехи запятнали души их, точно короста тела прокаженных. Ужас и стенания наполнили сердца горожан. Настал день покаяния. День очищения от скверны. – Брат Адриэн умолк. – Кстати, вам это прозрение обошлось всего в пятьдесят ливров.

Толпа самозабвенных бичевателей, повинуюсь невидимо-

му мне сигналу, начала движение к воротам Сен-Дени. Уже смеркалось, но никто из бредущих вокруг меня и не собирался возвращаться в Париж до закрытия ворот. Души страждущих необоримо стремились вон из опороченного кровью города в величественный храм Нотр-Дам де Понтуаз, вот уже полторы сотни лет обладающий правом полного отпущения грехов в дни великих праздников.

Сегодня был канун Рождества Богородицы. Колокола пронзительно гудели над городом, знаменуя чудо. Чудо было единственно значимым сейчас в сердцах тысяч людей, вдохновенно полосующих собственные спины и распевающих во все горло:

Когда Господь с горы Сиона
Воззвал к народу своему...

Шестеро гасконцев шли, окружив меня плотным кольцом. Еще шестеро держались чуть поодаль. Бичи в руках, в сапогах кинжалы. Понятное дело, искать яркого гугенота в процессии фанатиков-самобичевателей вряд ли могло прийти в голову ищейкам королевы, но чем черт не шутит! Мы приближались к воротам Сен-Дени, и над парижскими улочками гремело многоголосое: «Народ мой, следуй за мной!»

Как и предупреждал брат Адриэн, охрана ворот была изрядно усилена. Каждая подъезжающая повозка обыскивалась, точно кошелек забулдыги в базарной корчме. Вот до-

шла очередь и до колымаги Мано. Взоры гасконцев, и мой в их числе, обратились к заветному возку.

– Что везешь? – Седой алебардир подошел к де Батцу и, похлопав ладонью по бочке с тайником, сунул горбатый нос в корзину с зеленью и спрятанными под ней пистоллями.

– Так что это ж... Это? – Мано, хлопая глазами, раскинул руки. – Я ж того, в приюте Святого Лазаря возчик. Меня ж тут всякий знает!

– А там что? – кивнул на содержимое возка стражник.

– Да нешто это, того, не видите, господин капрал? Еда для убогих. – Де Батц сунул руку в ближайшую корзину и вытянул кусок мяса на длинной кости.

– Красавчик! – На полных губах Жозефины, по-прежнему восседавшей рядом с простаком возчиком, играла улыбка столь завлекательная, что я невольно отметил, какой желанной может быть властная, шумная Жози, лишь пожелай того. – Ну что ты разглядываешь какие-то кости? Ты лучше сюда погляди! – Она поставила ногу на козлы, давая легкой юбке свободно упасть на бедро и демонстрируя, что под этим ярким лоскутом материи, кроме самой девицы, ничего нет. – Каково?

Привратник сглотнул и потерянно замычал, подыскивая слова:

– С дороги! С дороги! Пошевеливайтесь! – Большой отряд кавалерии, расталкивая древками пик толпу, наконец добрался до ворот. – Освободите дорогу! Немедленно!

– А ну, проваливайтесь! – наконец сыскал слова всполошившийся страж ворот. – Но! Но! Пошел!

Глава 9

*Дорога в рай и дорога в ад вначале расходятся
лишь на толщину волоса.*

Игнатий Лойола

Пыль из-под копыт сотен всадников облаком окутала окровавленную колонну, отвлекая благочестивых парижан от пения гимнов. Трудно петь гимны, чихая на ходу. Судя по лилиям и алой кайме на вальтрепах,²² всадники, промчавшиеся мимо нас, были жандармами²³ Анжуйского полка – личной гвардии нового короля. Я с тревогой посмотрел им вслед. Куда мчались эти латники, на ночь глядя, да еще с такой поспешностью?

Между тем уже изрядно стемнело. Добравшийся до приюта де Батц быстро разгрузил корзины, и мы продолжали путь налегке. Самобичеватели, выйдя из города, похоже, растеряли большую часть религиозного экстаза и теперь шли, лениво обмахиваясь своим вервием, точно коровы хвостами. Идти было долго, ночевать следовало во чистом поле, в лесу, где придется, чтобы ни свет ни заря продолжить путь в далекий спасительный храм. Чем более темнело небо, тем более

²² Вальтреп – конская попона.

²³ Жандармы – в описываемое время название французской тяжелой кавалерии.

это шествие погонщиков мух теряло первоначальную сплоченность, разбредаясь по сторонам в поисках ночлега, растягиваясь по дороге или же ища, как и мы, попутную повозку, чтобы не топтать попусту ноги.

– Так вот. Нужда заставила эту девицу выйти замуж за одного местного скупердяя, – повествовал брат Адриэн, при moistившийся в возке между мной и Конфьянс, закутанной в широченный плащ, должно быть, с плеча мадам Жози.

После поездки в бочке цвет лица девушки был таков, что ночь была единственным спасением ее репутации «обвoroжительной красавицы». А уж запах дешевого вина, пропитавший платье, наводил на мысль о предстоящих тратах на обновление ее гардероба. Чтобы отвлечь юную прелестницу от подобных мрачных мыслей, брат Адриэн, с наступлением ночи потерявший большую часть своей сиропной святости, услаждал ее слух небылицами, по его уверению, имевшими место быть лично с ним или же с кем-то из его знакомых.

– Жениться-то скупердяй женился, да, видно, мужем был никудышным. И Ленор все подыскивала способ, как бы половчей от него избавиться. Оно и понятно! Мы-то помним, о ком она на самом деле грезила!

– И что это ты, братец, девушку смущаешь?! – обернувшись, кинула с облучка Жозефина, дебютирующая в роли блюстительницы нравов. – Или пристойно доброму монаху поучать невинное дите в проделках полюбvвников?!

– Дочь моя! Как любовь Спасителя к пастве своей была

выше законов императорских, так и истинная любовь человеческая выше принятого разумением порядка! Ибо что есть человек без любви, как не медь звенящая? Велика ли вина чад Божьих, если бездна неразумения, разверзшаяся между ними, невосполнима ни благим деянием, ни словами молитвы? Если жизнь сырых сих, замерзающих у общего очага, губит в них искру Господню? Неужели же грех искать им тепла, дабы вдохнуть новый пламень в душу свою?

Я только усмехнулся. Положительно, брат Адриэн, ссылаясь на священные тексты и волю небес, мог доказать все, что ему было угодно!

– Так вот, – продолжал свое повествование монах. – Как раз в те дни заболела любимая дочь герцога Савойского – редкостная умница и красавица. Сколько врачей ни брались ее лечить – никакого толка. Герцог посылал своих слуг во все концы Савойи и Булони. Да что там Булони! Он слал их и к нам в Сорбонну, и в Сиенну, и в Краков. Дочери становилось все хуже и хуже. Наконец герцогские слуги в поисках еще какого-нибудь ученого эскулапа прибыли в городишко, где жила Ленор. Тогда-то она и придумала, что ей делать. Подошла эта девица к гонцу и говорит ему: «Мой муж – великий лекарь. Ему сам король горных эльфов науку врачевания преподал. Да вот только слово с него требовал, что лечить он будет не иначе как из-под палки. Так что, ежели будет отказываться, а он обязательно будет кричать, что знать не знает целительских премудростей, – хватайте дубинки и бейте его,

пока не согласится». Побежал гонец со своими людьми к нашему скупердюю, подхватили его под руки и кричат: «Поехали скорей к герцогу во дворец, дочку его спасать!» Тот, конечно, ни в какую. «Какой из меня лекарь, когда я всю жизнь шерстью торгую?!» Но они-то к этому были готовы! Схватили кто что и давай его поперек спины охаживать, приговаривая: «Поедешь, каналья, герцогову дочку лечить, поедешь!» Долго ли били, того не ведаю. Но только выбили согласие. Да и как тут не согласишься, коли сам чуть жив!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.